

Глава 1

Шестого сентября 201* года самолётом из Москвы в Грузию, в тбилисский аэропорт Руставели прибыли два гражданина России, мужчина и женщина, которых для удобства будем называть «наш гражданин и его очаровательная спутница». Естественно, они прибыли не каким-то особым рейсом и не всего лишь вдвоём, а прибыли они обычно, в числе других пассажиров, радостных и возбужденных предстоящей встречей с древней страной, о которой они мало что знали подлинного, кроме разве того, что эта страна гостеприимна, что недавно она была вместе с Россией в одном государстве, а по их разделении зачем-то случился меж ними странный военный конфликт, после которого прибывать гражданам России в Грузию можно было без визы, а гражданам Грузии в Россию без визы прибывать было нельзя. Случилось это потому, что тогдашний президент России после конфликта, закончившегося для России победой, очень обиделся на тогдашнего президента Грузии и сказал, что никогда не сядет с ним за стол переговоров. Вроде бы должен был так сказать побитый президент, мол, ах ты так, ну, так я с тобой не только за стол, а и на одной версте, согласно вашей русской поговорке, кое-что делать не сяду... По логике должно было быть так. А вышло почему-то наоборот. Вышло, что так сказал президент-победитель. Сказал, а потом то ли обиду сохранил, то ли о своих словах забыл. Так и осталось, что гражданам России к гражданам Грузии оказалось возможным приезжать без визы, а гражданам Грузии к гражданам России без визы приезжать, оказалось, нельзя.

Прибыли указанные пассажиры, прошли таможенный контроль и растворились по сей гостеприимной стране, так что трудно было бы отследить, кто и именно куда поехал, кто и именно где остановился, кто и именно как провёл время. Да и, кажется, никто ни за кем следить не собирался, хотя для статистической отчётности или ради интереса, или для какой-нибудь другой надобности вполне можно было бы это сделать. Отрядили бы специального человека, который сидел бы и всех спрашивал, куда и с какой целью далее проследовать намерены и почему именно туда, а не в другое место, и почему именно по

такой причине, а не по другой, может быть, более насущной. То есть, по крайней мере, взяли бы процесс безвизового пребывания российских граждан в стране в свои руки. Но вот не отрядили и в свои руки не взяли.

Прибыли наш гражданин и его очаровательная спутница благополучно. Но вот на московском контрольно-пропускном пункте аэропорта с нашим гражданином вдруг произошёл небольшой, более сказать, так совсем лёгкий инцидент, некое лёгким ветерком промановевшее недоразумение. С его спутницей ничего не случилось. Его спутница прошла контрольно-пропускной пункт без сучка и задоринки. Ей ответственный служащий как бы даже в симпатии улыбнулся. А с нашим гражданином легкое недоразумение случилось. Ответственный служащий ему улыбаться не стал. Он взял его заграничный паспорт и билет и по осмотру их чем-то вдруг озаботился, что-то вдруг его в заграничном паспорте и билете нашего гражданина не удовлетворило. Заграничным паспортом и билетом спутницы нашего гражданина он в полной мере удовольствовался, а заграничным паспортом и билетом нашего гражданина нет. В заграничный паспорт и билет спутницы нашего гражданина он, как и положено в среде облеченных службой российских чиновников, не переменяясь ни позой, ни выражением лица, шлепнул необходимую отметку и оба документа вернул и только потом как бы даже в симпатии улыбнулся, чего, конечно, облеченный службой российский чиновник обычно никогда себе не позволяет. А с нашего гражданина, взяв его заграничный паспорт и билет, он вдруг строго спросил:

– Куда направляетесь?

Наш гражданин, несколько удивленный вопросом, ответил, куда. Ответственный служащий посмотрел нашему гражданину прямо в глаза. Наш гражданин ответил ему тем же прямым взглядом и уловил в прямом взгляде ответственного служащего не то, чтобы недоверие, нет. Уловил наш гражданин во взгляде ответственного служащего какую-то большую внутреннюю работу, как бы никак не улавливающееся воспоминание, хотя, надо полагать, ни наш гражданин ответственного служащего, ни ответственный служащий нашего гражданина до сего момента ни разу не видели, никогда и нигде вместе не пребывали, и только в этот час и то по воле случая оказались рядом друг с другом – разумеется, по разную сторону таможенного барьера.

Наш гражданин это увидел и вдруг испытал к ответственному служащему странно застарелую неприязнь – именно неприязнь и именно застарелую, хотя, как только что было отмечено, они встретились впервые, а до этого друг о друге даже не догадывались, разве что каким-нибудь одному Господу Богу известным путём кто-то из них вдруг взял и подумал, а нет ли в мире вот такого человека... и вообразил бы себе каждый своего теперешнего визави, что, конечно, маловероятно, но, тем не менее, отрицать пути Господни и в данном маловероятном случае все равно не следует.

Продолжая свою внутреннюю большую работу, ответственный служащий отвлекся от нашего гражданина и обернулся к другому ответственному служащему, надо полагать, старшему по должности, и подал ему заграничный паспорт с билетом нашего гражданина. Старший ответственный служащий, посмотрев заграничный паспорт и билет нашего гражданина, взглянул на него соответствующим взглядом старшего ответственного служащего

и счел необходимым признать полное соответствие рассмотренных документов с наличествующим нашим гражданином и с положениями ведомственных указов и распоряжений.

Этим, однако, данный ответственный служащий не удовлетворился. Он с той же большой внутренней работой по улавливанию воспоминания, делающей его взгляд как бы более направленным в себя, а не на нашего гражданина, нашел спросить у нашего гражданина ещё документы.

– А ещё у вас есть документы? – спросил он.

– Паспорт гражданина России вам подойдет? – в странной застарелой неприязни спросил наш гражданин и подал ответственному служащему ещё и паспорт гражданина России.

Ответственный служащий полистал его и опять обратился к старшему ответственному служащему. Тот опять посмотрел на нашего гражданина, полистал его паспорт и, явно не понимая своего ответственного коллегу, пожал плечами, из чего можно было понять, что в документах нашего гражданина было все в порядке. Тем не менее, данный ответственный служащий сделал где-то там у себя какую-то пометку и снова обратился к нашему гражданину.

– А военные документы у вас есть? – спросил он.

Наш гражданин принял его вопрос за чрезмерный и в полном, хотя и сдерживаемом возмущении спросил:

– А о том, что я живой, а не на кладбище, справку вам не надо?

Подобный вопрос должен был сказать только одно – наш гражданин в своей странной и как бы даже застарелой неприязни переходил уже все границы приличия.

На его вопрос ответственный служащий смолчал. Он нехотя вернул нашему гражданину его документы. Глаза его при этом продолжили большую внутреннюю работу и даже обогатились новым оттенком этой работы, оттенком явного сожаления о невозможности нашего гражданина задержать для выяснения всех встревоженных его обстоятельств.

И можно было бы сказать об этом легком недоразумении как об исчерпанном, если бы оно не имело продолжения в тбилисском аэропорту Руставели.

Глава 2

В тбилисском аэропорту Руставели со всеми пассажирами обошлись милостиво – именно такое старинное и более русское, нежели местное, слово пришло на ум нашему гражданину, пока он дожидался своей очереди к стойке, теперь уже к таможенной стойке тбилисского аэропорта. Через спины стоящих в очереди перед ним пассажиров он мог видеть картину полного радушия, с каким местные служащие, и ведь явно не менее ответственные, чем их московские коллеги, но более радушные, улыбчивые и более расторопные, двигали очередь. Они её продвигали с таким чувством, будто по её окончании их всех ждал праздничный стол или даже повышение в зарплате. Рожденное нашим гражданином слово «милостиво» выхлудило после московского хоть и легкого, но недоразумения вполне уместным.

Очаровательную спутницу нашего гражданина местные служащие пропустили с радужной улыбкой. А нашего гражданина попросили пройти в соответствующее помеще-

ние и вежливо, не так, как на московской таможне, а вежливо и даже как бы стыдясь своей просьбы, попросили показать все имеющиеся у него документы, то есть и загранпаспорт, и внутренний российский паспорт, и билет, и опять спросили воинский документ. Три первых документа гражданин беспрекословно предъявил, а на просьбу о четвёртом в раздражении повторил свою фразу о справке с кладбища.

– Да, уважаемый, мы сами служили, сами знаем, но все-таки, нет ли воинского документа? – сказали служащие.

– Нету! – едва не рявкнул наш гражданин.

Служащие переглянулись, между собой переговорили, кому-то что-то сказали, кто-то куда-то сбежал и вернулся ещё с одним служащим, более старшим по должности. Более старший по должности посмотрел на нашего гражданина, посмотрел в его документы, о наличии воинского документа спрашивать не стал, что-то сказал своим подчиненным беспрекословным служебным тоном, а нашему гражданину сказал вежливо:

– Извините! Все хорошо!

Сказал он так и ушёл, потому что у старших по должности служащих всегда имеются более важные и имеющие большую степень неотложности дела. И в целом, старший по должности служащий, остающийся после своего решения в среде подчиненных, поступает неосмотрительно, и этой неосмотрительностью снижает не только свой авторитет, но и авторитет более старших по должности, чем он сам.

А все остальные служащие радостно и в облегчении между собой снова переговорили, и один из них, наверно, старший по должности среди всех оставшихся, но младший по должности перед ушедшим, вернул нашему гражданину его документы, тоже сказал «извините». В эту минуту, пока он извинялся, кто-то из младших по должности служащих протянул ему бутылку вина, и он с новыми извинениями протянул эту бутылку нашему гражданину.

– Возьмите, пожалуйста! Это очень хорошее вино и это вам подарок от нашей службы! – сказал он.

– Спасибо! – буркнул наш гражданин, сунул бутылку в сумку и ушёл.

И снова можно было бы сказать о произошедшем, с позволения сказать, инциденте как об исчерпанном, если бы он не имел продолжения в самом городе Тбилиси, по праву считающемся одним из самых очаровательных городов мира.

И ещё надо сказать то, о чём наш гражданин знать не мог, ибо оно произошло без его участия. В московском аэропорту между соответствующими служащими произошел такой диалог. Старший служащий после ухода нашего гражданина спросил младшего:

– Ну и что ты у него нашёл?

Младший служащий ответил:

– Я не могу вспомнить, где я его видел. Вот не могу и все. И у меня какое-то предчувствие, не схлопотать бы нам за...

Старший служащий спросил:

– Ты думаешь, что?..

Младший ответил:

– Да!..

Старший сказал:

– Да брось! У него все в порядке!

А потом все-таки связался с пунктом назначения следования нашего гражданина, то есть с аэропортом указанного очаровательнейшего города.

И едва наш гражданин ушёл, один из служащих, подумав, тоже вдруг сказал, что он этого гражданина где-то видел, но вспомнить не может. Ему сказали:

– Гоги, вспомни! Тебя за это начальником сделают!

Совершенно очевидно, что они сказали это с иронией, ибо за такие воспоминания никого начальниками не делают, ибо, если бы за это делали начальниками, то нашлось бы очень много тех, кто начал бы вспоминать, и черт знает что из этого вышло бы. Но служащий Гоги иронии не заметил.

Он ответил:

– Да, хорошо!

Глава 3

Сидит на порожке своей пекарни на Серебряной улочке усталый пекарь, человек худоватый, может быть, даже костлявый, не от истощения, конечно, а по своей природной структуре, сидит устало улыбается, вдыхает тбилисский зной, который после работы у печки ему кажется прохладой, сидит, чему-то улыбается. В окошке рядом с ним лежат горячие хлебы. Спросит, например, неместный прохожий, турист, которых, кажется, в городе больше, чем местных жителей, спросит такой прохожий: «Почём у вас хлеб?». Он со спокойною улыбкой и вежливо скажет, почем. «Один лари! – скажет и для большей понятливости повторит: – Один лари, дорогой!» А если неместный прохожий, турист, спросит: «Почём у вас шоти? – именно вот так спросит, называя хлеб словом «шоти», что по-местному означает тоже хлеб, глаза пекарь поднимет, улыбнется, скажет про свой лари, один лари, и не утерпит спросить в совершенно искреннем любопытстве, откуда неместному прохожему известно местное название хлеба, хотя его местное название есть никакая не тайна, и все так говорят. А он отчего-то этому знанию удивится, и ему будет любопытно, откуда неместный прохожий, турист, вдруг знает, и долго будет удивляться, совсем не беря в голову, что все-таки неместный прохожий находится в этой стране, и странно было бы ему не знать если уж не весь язык в целом, то хотя бы часть его, уместяющуюся, например, в название местного хлеба. А купит прохожий хлеб или не купит, назовет его хлеб по-местному или не назовет – пекарь улыбнется прохожему, будто своим вопросом он ему на душу положил что-то легкое, такое, как, например, тот же хлеб, который, как известно, сам себя несет.

Эх, добрый человек пекарь, эх, хлеб-шоти! Сидят они рядышком, он на порожке, а хлеб-шоти рядом на противень, сидят, отдыхают, изредка устало на сотрудницу свою оглянутся, на печку-торнэ, которая ему – подружкой, а хлебу-шоти матерью родной.

Эх, торнэ, печь хлебная, добрая. Отдала она хлебы-шоти, а теперь отдаёт свой хлебный (шотис – по-местному) нагруженный дух. Оглянулся на неё пекарь, оглянулся сказать ей с улыбкой доброе слово и прозевал очередного прохожего, который не взглянул

на его хлебы-шоти, не спросил их стоимость, не взглянул вообще в сторону пекаря и его пекарни, прошел мимо. Посмотрел ему вслед пекарь и улыбнулся. Легко ему. Хлебы-шоти он испек, присел отдохнуть на порожке и вдохнуть городского зноя, который после дыхания его подруги-печки ему прохладой кажется. Ему легко после работы. И даже бирюку-прохожему, на его труды не взглянувшему, он вслед улыбнулся. Такой народ здесь – и ничего не поделаешь.

Глава 4

Чтобы воспеть Тбилиси, нужна тонкая интуиция (лучше бы сказать – особенно тонкое восприятие), сказал мудрый Иосеб Гришашвили, знающий старый Тбилиси столь полно и столь тонко, что, кажется, и во всем свете больше не найти такого знатока. Ни наш гражданин, ни его спутница, прибывшие в Тбилиси, такой интуицией не обладали. Говорят, такой интуицией обладал некогда, лет сто пятьдесят назад повар главного начальника всех горных заводов Российской империи некто по имени Олимпий, живший в том самом городе, из которого самолётом через Москву прибыли в очаровательный город наши гражданин и его спутница. Указанный повар Олимпий обладал хорошей интуицией, и такая интуиция ему однажды подсказала сменить, как пишут писатели, поварской колпак на ливрею швейцара, которая приставила его к дверям окружного суда и со временем прославил на весь город и на всю округу знанием того, к кому, когда и как обратиться тому или иному истцу по тому или иному делу. Она же, интуиция, подтолкнула его к благой инициативе erection of a monument to Alexandr II, как пишут в современных путеводителях для иностранных гостей, то есть подтолкнула к инициативе воздвижения в городе памятника царю Александру Второму – имеется в виду русский царь Александр Второй Освободитель, и примечание в данном случае совершенно уместно, потому что цари Александры были не только в России. Они были и в Грузии, и в Сербии, и даже, говорят, в Греции. И на этом поприще, равно же, как и на поварском поприще и на поприще служения при дверях суда, швейцар Олимпий преуспел. Памятник был воздвигнут, но, к сожалению, простоял недолго. И уважаемый Олимпий был тут не виноват, потому что памятник уничтожила революция в 1917 году, а на неё, на революцию, интуиции не хватило даже у таких вождей, как В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий, хотя они потом, спохватившись, все исправили.

Прибывшие наш гражданин и его спутница подобной интуицией не обладали, воспеть очарования Тбилиси им не представлялось возможным. Они прибыли. Их по предварительной договоренности встретил местный гражданин и увез на съёмную и тоже ранее оговоренную квартиру на улице Чикобава на левом берегу реки. Как называлась эта улица в старину или хотя бы во времена советской власти, сказать тоже не представляется возможным. Туристов на этой улице и в этом довольно-таки удаленном от достопримечательностей города районе или, по-местному, этом убани, увидеть было редкостью, если только не чрезвычайной редкостью. Описаний этой улицы старинные манускрипты не оставили по явному её отсутствию в старину. А советская власть приняла её уже застроен-

ной и сказала, показывая на красивые двухэтажные здания, что вместо этих свидетельств царского прошлого она проложит величественные проспекты с величественными домами-дворцами, проложит обязательно, но проложит позже, не указывая, когда позже. И, по этому заявлению, ей не было необходимости описывать эту улицу в качестве объекта внимания. Одним словом, местный гражданин привез нашего гражданина и его спутницу на улицу Чикобава в дом с подворотней и прямо в подворотне открыл голубенькую дверцу в голубенькую же квартирку, состоящую из одной комнатки или, как бы сказали во времена постройки этой улицы Чикобава, мебелированной комнатки, вся мебель которой состояла из тахты, кухонного гарнитурчика, туалетного закутка с душем за голубенькой же дверцей и окошка с голубенькой занавесочкой, выходящего в подворотню, так что места оставалось как раз только для двоих и то при условии, что они разного пола и симпатичны друг другу. К этому надо ещё прибавить, что квартирка располагалась сбоку наружной лестницы, ведущей на верхние этажи, и туалетный с душем закуток вовсе оказывался под лестницей. И нашему гражданину, как можно догадаться по вниманию к нему служащих двух аэропортов, человеку не совсем обычному, пришла не совсем обычная мысль – не здесь ли доживал свои последние дни великий и необычный здешний художник Пиросмани. И мысль при всей необычности не была такой уж необычной, если знать, что великий и необычный художник Пиросмани во всеми проклятом, прости нас, Господи, тысяча девятьсот восемнадцатом году умирал в закутке под лестницей где-то в этом районе или, по-местному, убани. Но мысли своей наш гражданин местному гражданину не высказал.

Местный гражданин спросил, устраивает ли квартирка. Наш гражданин и его спутница сказали, что устраивает, хотя само расположение квартирki таким образом, что прямо с асфальта подворотни приходилось ступать на пол квартирki, им показалось необычным. Но об очаровании города они были наслышаны. И эту особенность квартирki они сочли за элемент очарования. Наверно, очень хорошие были они люди, эти два гражданина России, о чём может сказать и то, что нашего гражданина в обоих аэропортах – аэропортах Москвы и Тбилиси некоторые служащие приняли за кого-то из тех, кого они когда-то и где-то видели, хотя вспомнить сразу не смогли. Да и бутылка хорошего грузинского вина, вручённая служащими тбилисского аэропорта нашему гражданину, тоже могла бы сказать об этом, потому что мало кому в аэропортах мира вручают прибывшим пассажирам такие подарки, а вернее, так и вовсе никому не вручают.

Кстати, они прибыли из Москвы, но проживают они в том самом городе, где когда-то проживал уже упомянутый гражданин Олимпий, повар главного начальника горных заводов, а затем швейцар окружного суда и инициатор erection of a monument to Alexandr II, то есть инициатор воздвижения в этом городе памятника царю Александру Второму Освободителю. Но об этом, кажется, уже было сказано. И если это так, то читателю представляется возможность простить автора за повтор, вызванный ничем иным, а только желанием сказать, что наши гражданин и его очаровательная спутница были патриотами своего города и его истории – пусть и не такой богатой, какую имеет самый очаровательный город мира, однако же, во многом сопоставимой.

Когда местный гражданин и хозяин меблированной каморки уехал, пожелав спокойной ночи и самого превосходного времяпрепровождения в этом чудесном городе, наш гражданин сказал:

– В такой каморке, наверно, и умирал Пиросмани!

Он это сказал не со зла, не в раздражении от возможной и теперь несбывшейся мечты о какой-нибудь большом и светлом апартаменте с нависающим над улочкой балконом и видом на город. Нет. Сказал он это потому, что он знал о великом и необычном здесьнем художнике Пиросмани, и ещё потому, что служащие аэропорта подарили ему бутылку вина с названием «Пиросмани». И наш гражданин знал о том, что Пиросмани умер 7 апреля в праздник Благовещения, в дни Пасхи. Правда, есть мнение, что он умер 5 мая. Но наш гражданин считал более точной дату смерти Пиросмани именно 7 апреля, в Благовещение, в дни Пасхи того проклятого тысяча девятьсот восемнадцатого года. Пиросмани ещё живого, вернее, уже на пути в тот мир, где «нет ни печали, ни воздыхания», но в который никто из печалующихся и воздыхающих не торопится, вот такого его повезли из подлестничной сырой и неотапливаемой каморки дома номер двадцать девять по улице Молоканской в больницу. И повез его сосед, инвалид-сапожник, тот самый, у которого была вывеска над мастерской следующего содержания: «Сапожник Шио, сапоги шио, вино пио, хорошо жио», – и об этой вывеске упоминает мудрый Иосеб Гришашвили. А о дне смерти Пиросмани сказала через пятьдесят один год в своём материале местная газета.

Спутница нашего гражданина спросила:

– Он умирал в каморке?

Наш гражданин вместо ответа будто сердито, но на самом деле с любовью прикрикнул:

– В закуток, мыться и спать!

И когда они оба после душа посвежевшие спать расхотели и сели то ли поздно поужинать, то ли рано позавтракать, наш гражданин вынул подаренную бутылку вина с названием «Пиросмани».

Спутница нашего гражданина сказала:

– А ты не сказал, что взял сюда с собой грузинское вино!

Нашему гражданину пришлось рассказать, что бутылку ему подарили таможенники в аэропорту, что он был зол на них за непонятное к нему внимание и потому бутылку просто сунул в сумку.

Спутница нашего гражданина обняла его и сказала:

– Давай оставим её на память! Что-то в этом есть необычное, в твоём задержании, причем дважды. Что-то тебя... нет нас, что-то нас здесь ждёт третья!

Наш гражданин не стал возражать, только сказал:

– Да уж. Что-то действительно в этом есть. Помнишь, на Западе Пиросмани сравнивают с художником Анри Руссо, за его службу на таможне получившим прозвание таможенника!.. И бутылку вина «Пиросмани» мне подсунули таможенники!.. Что-то в этом есть!

Но оба они не придали этому значения. Просто было обоим очень хорошо даже в этой каморке под лестницей.

Глава 5

Конечно, по замечанию мудрого Иосеба Гришавили, тонкую интуицию по отношению к Тбилиси надо было бы иметь. Но наш гражданин и его спутница как-то вот не были ею наделены. И вышли они из своей квартирке в подворотню, прихлопнули свою голубенькую дверцу, огляделись, этак мельком, чтобы не выглядеть зеваками и не привлекать к себе внимание, окинули своим мельковым взглядом небольшой дворик со всякой бытовой рухлядью, которую ночью увидеть не могли, окинули старую и ржавую железную лесенку от дворика на второй этаж, тоже старый и обшарпанный, причем старый до такой степени и обшарпанный так, и скособоченный так, и подремонтированный посредством неких фанерок и картонок так, что нашему гражданину и его спутнице стало жалко жильцов и стало неудобно смотреть на эту старость, на эту обшарпанность и эту кособокость, о чём они тотчас же тихо друг другу сказали, совсем – без интуиции же! – совсем не догадываясь, что большая часть этого очаровательнейшего города им предстанет вот такой же обшарпанной и косоватой, кое-как жильцами посредством фанерок, картонок подремонтированной, а если и не обшарпанной и не косоватой и пока не нуждающейся в фанерках и картонках, то, мало по малу, готовящейся и к обшарпанности, и к косоватости, и к ремонту посредством фанерок и картонок.

Вышли наш гражданин и его очаровательная спутница из квартирке, вышли из подворотни, обволоклись тёплым и непередаваемо мягким светом, отличающим этот город, обволоклись тысячеголосым и мягким же шумом, отличающим этот город, в один миг как бы впелись и в свет и в шум, прибавив себя городу, и пошли по улице влево и чуть вниз. И потому пошли влево и чуть вниз, потому что наш гражданин здраво рассудил, уж коли вниз, то, значит, к реке, а если к реке, то, значит, к мосту на другую и более интересную в плане достопримечательностей сторону реки, где, собственно, город в глубокой древности зачинался. Каким образом он мог знать, что от их подворотни до ближайшего моста совсем недалеко и надо к нему пойти именно так, сказать невозможно и только остается отметить, что наш гражданин был пусть и без тонкой интуиции, но был непростой гражданин. А про его спутницу надо отметить, что она ему во всем верила, как верит только любящий человек любимому человеку. И эти два обстоятельства дают нам право судить об этой паре как не совсем обычной, хотя так судить можно, думается, обо всякой паре любящих друг друга людей.

Они так впелись в город, так очаровались городом, что оба себя почувствовали, будто они здесь были не впервые или, будто даже и происхождением были отсюда. А уже лишне говорить, что были они не отсюда, а были они из того далёкого города, о котором уже упомянуто в связи с прозорливым поваром главного горного начальника, и были здесь именно впервые. Такая вот есть особенность у этого города, который, к несчастью, в самом недалеком прошлом пережил гражданскую войну, но который, к его чести, себя не потерял и не уступил своего титула очаровательнейшего города какому-нибудь другому очаровательному городу. Такая есть у него особенность – обращать любого приезжего в своего жителя. И все приезжие безропотно эту особенность принимают, а порой даже начинают чувствовать нечто такое же, что почувствовали наш гражданин и преданная его

спутница, то есть начинают в легком и сладостном напряжении как бы вспоминать, а не на самом ли деле они здесь были раньше или, того хуже, не на самом ли деле имели раньше касательство к этому городу посредством проживания здесь их предков.

Но сколько бы наш гражданин и его спутница себя местными жителями ни чувствовали, все равно всем сразу было видно, что они приезжие, потому что, несмотря на своё очарование, этот город очень ревнив, и недаром об этом сразу предупреждает мудрый Иосеб, говоря о необходимости тонкой интуиции. Этот город ревнив и недоверчив. Он опутывает и окутывает, он очаровывает, он рассыпается и расшаркивается перед любым приезжим, он его обожает, он его готов принять в сонм своих жителей, но только готов – не более. Он ревнив, недоверчив и суров. И он не принимает. Он ждёт. Он ждёт того, хватит ли у приезжего таланта, такта и терпения, хватит ли у него умения научиться совсем немногому, совсем малому, но такому малому, что практически никому из приезжих научиться не удаётся – научиться быть ежедневным, ежечасным, ежеминутным артистом, участником нескончаемого спектакля под названием «этот очаровательнейший город». Но он так ловко, так талантливо скрывает свою ревность, свою недоверчивость, свою суровость, что, конечно же, никакой приезжий их не чувствует и в счастливом неведении отдаёт себя этому городу.

Глава 6

И все, кому стоило только взглянуть на нашего гражданина и его спутницу, сразу видели, что они здесь приезжие. Ну, хотя бы видели потому, что они беспрестанно все вокруг оглядывали, а того, на что надо было оглянуться, было столько густо, того, что привлекало их любопытство, было столько нескончаемо, что удивительным оказалось то, как они вообще не стояли на месте, опутанные и очарованные, а довольно успешно продвигались к той улочке, которая вела их к реке, к мосту, к противоположной и ещё более достопримечательной стороне города. Вот они прошли отрезочек своей улицы Чикобава, увидев на стене чрезвычайно обшарпанного здания мраморную доску с указанием, что в этом доме проживал народный художник Грузии Мосэ Тоидзе. Вот они перешли на противоположную сторону улочки, которая вдруг оказалась совсем другой по имени – не улицей Чикобава, а улицей Джавахишвили. Вот они прошли этой стороной этой новой улочки и вот они свернули вправо, потому что здесь оказалось ещё более вниз. Они свернули в улочку вправо, прочитали её название, но тут же название забыли. Они прошли мимо хлебных, скобяных, овощных и прочих лавчонок и вышли к Воронцовскому дворцу, не зная, что он так называется, прошли на Воронцовский мост, тоже не зная, что он так называется, полюбовались сверху на полноводную и травяно-зелёную по цвету реку, увидели в конце моста и справа раскидывающееся прямо на тротуаре торжище старых вещей, не зная того, что торжище уходит вглубь большого тенистого сквера, где раскинулись ряды старинного холодного оружия с кинжалами, саблями, шашками, бедурами и ряды с живописью. Они немного поразглядывали на краешке этого торжища старинные вещи и прошли на Сухой мост, не зная, что он так называется, прошли мост и вошли в улочку с чередой антикварных лавчонок

– хоть справа улочки, хоть слева. Вся улочка была в строительных лесах. её реконструировали. Кругом была строительная пыль. И в лавчонках тоже была пыль, потому что в лавчонках без отрыва, так сказать, от производственной деятельности тоже производилась реконструкция, так что на старых картинах, расставленных по углам или сложенных штабелем, на старых кувшинах и всяких других старинных предметах толстым слоем лежала пыль. И может быть, хорошо, что лежала и лежала толстым слоем – она как бы предохраняла этот дорогой сердцу города товар от покупателя, ибо, по всему было видно, не хотел город с ним расставаться. Продавцы хотели как можно скорее и как можно подороже избавиться от этого товара, как, впрочем, и от всякого другого. А город не хотел. Он не хотел, чтобы какой-то приезжий увез дорогой ему сердцу товар. Он не хотел, например, вот чтобы наш гражданин и его спутница взяли да что-нибудь прихватили – хоть втридорога, но прихватили и увезли в свой город с провидцем-поваром главного горного начальника. Для продавцов все эти старинные предметы были товаром. А для города они были его неотторжимой частью. Ведь не согласился бы продавец расстаться со своей неотторжимой частью. И любой приезжий покупатель не согласился бы. И что же, в таком случае, ждать от города?

Глава 7

Между тем наш гражданин и его спутница вошли в одну лавчонку, вошли в другую. В лавчонке с картинами они полюбовалась сквозь пыль на картины, которые, конечно, не принадлежали кисти Пирсmani или какого-нибудь Вермеера, но все-таки были старыми картинами и уже тем к себе притягивающими. Нашему гражданину быстро наскучило входить во все эти лавчонки, и перед очередной лавчонкой он предпочел остаться на улице. А очаровательной его спутнице такое занятие ничуть не наскучило. Ей очень понравилось такое занятие. Она входила в каждую лавчонку и с удовольствием там пребывала, очарованно разглядывая все, что в ней находилось. В одной из лавчонок спутница нашего гражданина нашла много интересных старых вещей и позвала своего спутника зайти и тоже разделить её интерес. И он, человек без необходимой интуиции, до того оставшийся на улочке, вошёл в лавчонку, несколько скучаяще вошёл – известно ведь, тем-то и отличаются мужчины от женщин, что не особо интересуются предметами быта и утварью, как и в целом магазинами. Предметы быта и утварь – ведь не холодное оружие, о существовании целых рядов которого в оставшемся позади торжище наш гражданин не подозревал. Вошёл наш гражданин в лавчонку, скучаяще посмотрел туда и сюда, и пока его спутница занялась довольно оживлённым разговором с продавцом, пожилой и полной женщиной, по поводу какой-то старой лампы, не лампы ли Алладина (шутка!), он скучаяще и совсем без интереса взял с какого-то приступка, то ли старого бочонка, то ли старой тумбочки, некий стеклянный графинчик, в темноте лавчонки показавшийся ему оплетенным бронзовой вязью, а на самом деле только разрисованным под бронзовую вязь. Он взял. А ревнивый город – тоже, видать, без особой интуиции или от ревности на миг лишившийся интуиции! – город вдруг подумал, что наш гражданин графинчиком заинтересовался и сейчас купит, и сейчас графинчик, неотторжимая городская часть,

уплывет в чужой город, к тому провидцу-повару главного горного начальника на кухню, отчего он, этот город, обеднеет на целую единицу своей неотторжимости, будто ни разу он за все свои едва ли не две тысячи лет жизни в многочисленных нашествиях и погромах ничего не терял. Или, может быть, именно от того, что за две своих тысячи лет он потерял столько, что сейчас вдруг взревновал столь неостановимо, что поддел нашего гражданина под руку. И пробочка с графинчика, этакая стеклянная пипочка вроде рюмочки, из горлышка графинчика выпрыгнула – да о пол с лёгким перезвончиком брякнулась, подскочила да брякнулась ещё. И от такого аффронта, от такого перезвончика, от такого бряканья по полу от пробочки-рюмочки откололись – и тоже с перезвончиком – откололись венчик да ещё полвенчика, да ещё треть венчика, да потом и четверть венчика, и вся отколотая сторона пробочки-рюмочки стала походить на городскую крепость с её развалинами.

Продавец и спутница гражданина, перевозовничок услышали, на нашего гражданина оглянулись и увидели – наш гражданин с графинчиком в руке стоит, куда-то на пол смотрит, а в горлышке у графинчика пусто и напряжённо пусто, как у пьяницы наутро, то есть в горлышке у графинчика пробочки нет. Причем спутница нашего гражданина, надо признать, женщина-ах! – стройна, умна, красива, и нашего гражданина любит! – она видит, что нет в горлышке у кувшина пробки, а продавец видит то же самое, то есть то, что пробки в надлежащем месте нет, только видит на своём языке. Продавец видит, что в горлышке у кувшина нет не пробочки, а в горлышке у кувшинчика нет сацоби. Вот так можно в этом очаровательном городе враз увидеть один и тот же предмет по-разному.

И лишь они это увидели, обе враз лампу оставили, обе враз через всю антикварную утварь к нашему гражданину перелетели. Продавец запричитала:

– Вай-вай-вай!

Спутница нашего гражданина в тревоге за своего любимого человека спросила:

– Славочка! – это имя нашего гражданина. – Славочка! С тобой все в порядке?

А он, Славочка, любимый человек и вместе с тем, с одной стороны, презренный губитель старины (сгубил пробочку-сацоби у графинчика), а с другой стороны, совсем невинный человек (не он же швырнул пробочку-сацоби, а город поддел ему под руку), вот такой двоякий Славочка и любимый человек, не веря себе и тому, как все случилось, и ещё не веря тому, что это все случилось, смотрел на графинчик в руке, на пустое его горлышко, и смотрел на безмозглую пробочку-сацоби в виде рюмочки, безмозгло, ради угоды ревнивому городу, ради потакания его капризам, пошедшую на самоубийство.

И пока наш гражданин, этот Славочка, размышлял, поверить ли в случившееся, пока размышлял, все ли с ним в свете случившегося в порядке, продавец оценила обстановку.

– Вай! Венецианское стекло! – схватив себя за левую сторону груди и закатив глаза под брови, продекламировала она.

Спутница нашего гражданина в отличие от него самого тотчас успела оценить обстановку. Она тут же ответила продавцу:

– Да что вы тут такое нам говорите! Какое венецианское! Местный бутыльно-стеклодувный завод!

– Вай! Венецианское стекло! – твёрдо повторила своё продавец, однако, рука её на груди дрогнула, и глаза её вернулись на место.

– И почему венецианское стекло, даже если оно местного бутылочно-стеклодувного завода, стоит у вас под порогом? – совершенно резонно спросила спутница нашего гражданина и полностью выбила у продавца все последующие на счёт венецианского стекла её аргументы.

Она выбила эти аргументы, а продавец тотчас нашла новые:

– Вай! Что же я теперь скажу хозяйке, бедной старушке, у которой вся надежда была на этот графинчик венецианского стекла!

Вот какие новые аргументы нашла тотчас продавец и, естественно, в свою очередь, выбила аргументы у спутницы нашего гражданина. Бедная старушечка и её единственная надежда на графинчик смутили спутницу нашего гражданина. Что-то мелькнуло в её умной и красивой головке насчёт бедной старушечки и её надежды на графинчик. Но умная и красивая головка тотчас раскусила маневр продавца. Умная и красивая головка спутницы нашего гражданина задумала тотчас свой маневр. Она спросила:

– А скажите-ка, сколько стоит этот графинчик?

Неправильно поняла этот маневр продавец.

– Вай, сколько стоит этот бедный графинчик бедной старушки! – ответила продавец с внутренним ликованием и ложным предчувствием больших денег.

Спутница нашего гражданина спросила:

– Вай – это сколько?

Продавец ответила:

– Вай-вай, сколько!

Спутница нашего гражданина пожалала плечами:

– Не хотите говорить? Славочка, пойдем отсюда!

Продавец, не в силах сразу придумать очень хорошую сумму, запричитала:

– Вай-вай-вай, сколько!

Спутница нашего гражданина сказала нашему гражданину:

– Дай ей, Славочка, на каждый её «вай» по одному лари, и пойдем отсюда!

И можно было бы подумать, что она оказывалась совершенно бессердечным человеком. Но так сказать у спутницы нашего гражданина были совсем иные основания. Она увидела, что кувшинчик совсем не венецианского стекла, а потому не стоит «вай-вай-вай, сколько». Она увидела, что продавец решила их обмануть. И она увидела, что её спутник, наш гражданин с первого же слова поверил продавцу, поверил в венецианское стекло и в бедную старушку. Мало того, она увидела, что он поверил так, что это венецианское стекло непременно времен Возрождения и непременно со стола самого Леонардо или, в крайнем случае, Козимо Медичи, то есть представляет собой невероятный раритет с соответствующей стоимостью, поверил и нарисовал себе картину в духе Страшного суда с низвержением себя за невозможность возместить нанесенный ущерб в тюрьму. Он смотрел на результат своего варварского деяния, на пробку-рюмочку, притихло лежащую на полу с отколотыми венчиком, полувенчиком, третьвенчиком и ещё более мелкими венчиками. И гул захлопнувшейся за ним тюремной двери не давал ему снять словам его спутницы.

(Эх, современные мужчины! Что с вас взять! Трудно поверить, что рождены вы женщиной, но ничего от женщины не взяли – столько глупы вы, столько бесполезны, столько суеверны и столько бесперспективны! Вы, не колеблясь, готовы верить во всякие рассказы про коварство и ревность очаровательнейшего города, про тот же Страшный суд, про венецианское стекло, про молекулы, атомы, чёрные дыры во вселенной, про невозможность установить, откуда берется электричество, про великие умы тех, кто правит миром. А обыкновенной лжи лукавого и алчного продавца различить вы не можете. Вы видите, что графинчик аляповато разрисован под бронзу и в тот же миг вы этого не видите. Нет у вас будущего, мужчины. Так держитесь же женщины, ваших путеводных звезд, гарантов вашего благополучия и даже счастья! Не тарашьтесь вы на венчики и полувенчики бутылочного стекла. Смело обличайте лукавого продавца в его лукавстве, смело берите на себя обязанность быть бдительными и инициативными, стойко переносить все тяготы и лишения! Дорожите мужской честью и славой, как заповедали вам ваши старшие товарищи-предки, как учит вас сама жизнь!)

Кто бы только внушил, кто бы только приказал это мужчинам так, чтобы сползла с них кошма предрассудков в виде мнимого мужского превосходства и мужского гонора. Но нет в мире такой силы. Остаются они в своей губительной заскоружлости. Увы им.

– Славочка, пойдем отсюда! – сказала спутница нашего гражданина.

Очень не понравился такой исход дела продавцу. Она тотчас сказала:

– Нет! Нет! Нет! Один лари на каждый «вай» – нет! Тысяча лари, тысяча лари за графинчик и возьмите его с собой! Вай, венецианское стекло!

На это спутница нашего гражданина сказала:

– Славочка, иди и приведи сюда полицию и понятых, а я пока покараулю этот графинчик здесь! Эта женщина хочет нам выдать обыкновенное стекло за венецианское. А это мошенничество. Оно карается по закону! И полиция в этом городе, насколько всем известно, неподкупная!

Еще более не понравился такой исход дела продавцу. Поняла она своё поражение. Увидела она всю незавидность своей судьбы в рамках закона. Она сказала:

– Нет! Нет! Зачем полиция! Зачем понятые! Есть у меня знакомый мастер. Он вот так отпилит у пробочки, и будет очень хорошо, будет, как было! Вай, венецианское стекло!

При этих словах вспрял, наконец, наш гражданин, расстался со своими губительными видениями. Вынул он в лёгкости сердца из кармана деньги, сказал:

– Да! Сделайте так! Вот вам деньги! Заплатите мастеру!

В сожалении, но и в непреодолимой любви посмотрела спутница нашего гражданина на нашего гражданина, своего спутника. С презрением посмотрела она на продавца, возликовавшую от вида протянутой ей приличной суммы денег.

– Вай, венецианское стекло! – сказала довольная продавец.

– Пойдем. Славочка! – сказала спутница нашего гражданина.

И можно было бы посчитать инцидент исчерпанным, кабы следующее обстоятельство почти такого же свойства не заставило себя долго ждать.

Глава 8

Наш гражданин и его спутница посчитали, что благополучно вышли из неожиданно затруднительного положения. Их хорошего настроения не смогло испортить даже исчезновение довольно значительной суммы из кармана нашего гражданина, надо помнить, исчезнувшей по доброй воле нашего гражданина, очень испугавшегося примнившейся ему картины с тюрьмой и в то же время проникшегося состраданием к старушке, всю надежду возлагающей на графин с пробкой-рюмочкой. Сумма из его кармана могла исчезнуть несравнимо меньшая, будь наш гражданин немного собраннее и не с таким гибельным воображением, или будь продавец чуть более милосердна, чего, конечно, ожидать от продавца было совершенно глупо, но все же. Но и столь значительное исчезновение суммы из кармана нашего гражданина ничуть не расстроила ни самого гражданина, ни его красивой, стройной и умной спутницы, даже очень умной и, надо прибавить, верной спутницы. Они, ничуть не потеряв в настроении, только как-то беспечно и счастливо расхохотались, взялись крепко за руки и пошли себе дальше, собственно, не зная, куда, но смело пошли и вскоре вышли к широкой лестнице, ведущей вверх, в хороший парк, в котором за купающимися деревьями проглядывал купол храма.

Они поднялись в парк, тенистый и благостный даже в разгорающемся зное, и сразу обратили внимание на обилие скульптур, довольно выразительных и довольно стильных, и вероятнее всего, посвященных значительным людям города, хотя кому именно посвященных, наш гражданин и его спутница прочесть не смогли, так как имена их были написаны теми, всех в мире изумляющими начертаниями местного алфавита, схожими, по мнению многих, с виноградной лозой вместе с её плодами. Спутница нашего гражданина сказала в удивлении:

– Сколько здесь памятников!

Наш гражданин, полностью разделявший её мнение, кивнул:

– Да, много!

Это замечание должно было означать, что в их родном городе, очень большом и суровом городе-труженике и городе-воине памятников было меньше. В их городе стоял памятник Ленину, никогда в городе не бывавшему, стояли три памятника революционным деятелям, один из которых, как и Ленин, никакого касательства к городу не имел, стоял памятник наркому тяжёлой промышленности прежних времен, ещё стояли памятники основателям города, двум деятелям эпохи Петра Великого, памятник Пушкину, памятник танковому корпусу времен Великой Отечественной войны и памятник первому президенту страны. Но все равно памятников в том городе было меньше, чем памятников в этом парке.

О судьбе памятника царю Александру Второму Освободителю, воздвигнутому стараниями бывшего повара главного горного начальника, уже было сказано. И будет к месту сказать о судьбе того памятника, который был взнесен на постамент, оставленный в связи с революцией царем-освободителем Александром Вторым. По мысли значительных людей города того революционного времени, было решено на этот постамент поставить

памятник Освобожденному Труд, который бы стал утверждать новое время, в котором торжествует не мнимый царь-освободитель, а подлинный Освобожденный Труд или даже Труд-освободитель. Работа была поручена уже тогда известному скульптору Степану Эрзе, вскоре ставшему вообще мировой величиной, приехавшему в город в связи с немеряным количеством мрамора в его окрестностях. Он изваял величественную фигуру обнаженного молодого мужчины, можно сказать, соперника микеланджеловскому Давиду. Но местный народ, суровый в своих непросвещенных нравах, не увидел в сопернике Давида ни самого Давида, ни Освобожденного Труд, ни тем более, Труд-освободителя. «Ванька голый!» – ахнул суровый в своих непросвещенных нравах местный народ. И это сыграло для значительных людей города определяющую роль. «Не надо им, непросвещенным, вообще никаких памятников!» – сказали значительные люди города и велели освобожденного от одежд мужчину в виде Освобожденного Труд, а постамена снять. Есть сведения, что при этом местная интеллигенция нашла в этом факте аллегорию. «Освобожденный Труд сняли. Теперь труд будет не освобожденный!» – якобы сказала местная интеллигенция. А величественная скульптура, потеряв своё значение для значительных людей города, некоторое время лежала где-то в сарае, а потом якобы вообще была сброшена в городской пруд. А что касается «не освобожденного труда», то, вопреки интеллигентским измышлениям, созидательный труд этого города во многом поспособствовал или даже во многом определил победу в Великой Отечественной войне, не говоря о его вкладе в процветание страны в целом.

Вот как обстояло дело с памятниками.

И едва наш гражданин успел объяснить со своей спутницей по поводу памятников, как его окликнули. Он оглянулся на голос и увидел смущенно улыбающегося молодого мужчину, в котором узнал одного из вчерашних таможенных служащих. Несмотря на смущенную его улыбку, наш гражданин про себя чертыхнулся и даже в сердцах подумал о таможенном служащем неприязненное. «Уже выспаться успел!» – подумал наш гражданин о таможенном служащем. А оно на самом деле было отчего появиться неприязни – вместо того, чтобы по окончании ночной смены сладко и с чувством исполненного долга спать, таможенный служащий притащился в парк с многочисленными памятниками поджидать нашего гражданина.

– Уже гуляете? – с улыбкой и в смущении спросил таможенный служащий.

– Как и вы! – сказал наш гражданин, сдержав более резкий ответ.

– Гоги! – протянул руку для знакомства таможенный служащий.

– Слава! – назвал себя наш гражданин.

– Я вас вспомнил! Вы Кока Сараджишвили! Вы с моим братом к нам приходили! – не обращая внимания на имя нашего гражданина, сказал таможенный служащий.

– Вы ошиблись! Моё имя Слава! – резко сказал наш гражданин.

– Нет, не надо бояться! Вас с братом уже давно оправдали! Уже не надо скрываться! – с искренней радостью сказал таможенный служащий.

– Вы ошиблись! Не смею вас больше задерживать! – ещё более резко сказал наш гражданин.

Таможенный служащий резкость почувствовал, приостановился, на миг засомневавшись в своём утверждении насчёт Коки Сараджишвили, но уже в следующий миг сомнение отбросил.

– Но вы же приходили к нам той осенью! Я был ещё маленький, но я вас хорошо запомнил! И брат все время вас вспоминает! Вы оставили у нас кое-какие бумаги! Мы их храним! Мы можем их вам отдать! – сказал таможенный служащий.

– Я никаких бумаг никому не оставляю! Я ни к кому здесь не приходил, потому что я здесь впервые! И я не нуждаюсь ни в каком оправдании! – уже в полном возмущении сказал наш гражданин.

Таможенный служащий оглянулся по сторонам, потом сказал, отчего-то понизив голос:

– Но вы участвовали в событиях вон там, на площади! – таможенный служащий показал глазами куда-то в сторону, пока ещё нашему гражданину и его спутнице неизвестную.

– Товарищ таможенный служащий! Вы явно после ночной смены не в себе! Вам надо поспать! – как можно примиряюще сказал наш гражданин.

– Да не надо мне спать! Я долго вас вспоминал и вспомнил! Я правду говорю! Если хотите, я вам сейчас же принесу эти ваши бумаги! Они ведь о событиях на площади перед домом правительства в декабре девяносто первого года, да? – тоже в некотором возмущении воскликнул таможенный служащий. – Или давайте, я сейчас брату позвоню. Он за одно мгновение приедет, как только узнает, что это вы! – схватился за телефон таможенный служащий.

– Нет, Гоги! Извините! Мне жаль, но вы ошиблись! Мы с моей спутницей здесь впервые! – сказал наш гражданин, пожал руку таможенному служащему, по всему виду, хорошему искреннему человеку, но в данном случае ошибающемуся, взял под руку свою красивую, стройную и умную спутницу, все это время терпеливо стоящую рядышком и в разговор не вмешивающуюся, и пошёл себе.

Таможенный служащий растерянно посмотрел им вслед и спросил:

– А брату что сказать?

– А брату передайте мои благие пожелания! – не оборачиваясь, сказал наш гражданин. Его спутница спросила:

– Славочка, кто он такой? о чём он говорил?

Наш гражданин ответил:

– Маша, я его не знаю. Он был вчера в той комнате, куда меня пригласили и потом вручили бутылку вина Пиросмани! А то, о чём он говорит, извини меня, это какой-то бред!

Таможенный служащий крикнул вдогонку:

– Брат сейчас имеет маленькую пекарню здесь недалеко! Я ему позвоню! Зайдите, пожалуйста! Это на улице... – он назвал улицу, но наш гражданин то ли в силу своего раздражения, то ли по какой-то другой причине название улицы не расслышал.

Красивая и умная спутница нашего гражданина сказала:

– Слава, как-то очень странно начинается наше с тобой здесь пребывание!

Наш гражданин в ответ ей успокаивающе улыбнулся.

Глава 9

Таможенный служащий остался в недоумении. Он весь остаток смены мучительно вспоминал этого человека, на некоторое время по звонку из Москвы задержанного и потом с извинениями отпущенного, а вспомнить смог только здесь, в парке, снова его увидев.

В парке он оказался мимоходом. После смены он прикоснулся к подушке на часок и поспешил на Сухой мост, где у него должна была состояться не очень важная, но заранее оговоренная встреча, и где он думал просто потолкаться среди постоянно собирающегося там довольно интересного народа, обсуждающего все проблемы и новости – от частных до мировых. Вчерашнему гражданину, то есть Коке Сараджишвили, старому приятелю брата, таможенный служащий искренне обрадовался и тотчас подумал о брате – как он-то обрадуется! – и тотчас вспомнил, как они в декабре девяносто первого года несколько раз на минуту забегали к ним домой, а потом как-то пришли рано утром, голодные, смертельно усталые и грязные, неестественно возбужденные, проще сказать, издерганные и чего-то боявшиеся. Они на кухне о чём-то поговорили с отцом и матерью, тоже сильно испугавшимися, и, пока было ещё темно, ушли. Брат появился через несколько лет, побыл дома совсем немного и опять ушёл, а уходя, спросил его, уже подростка, помнит ли он его друга и соратника Коку Сараджишвили. После ответа, что помнит, брат протянул ему старую, мятую папку для черчения и сказал:

– Вот, Гоги, здесь то, что написал Кока. Ты спрячь и храни. И даже не говори об этой папке ни папе, ни маме. Если Кока придет, отдашь. Если я раньше приду, там решим!

Так сказал брат и пришёл ещё через несколько лет, спросил про Коку, который так и не появлялся, а потом они с отцом стали печь хлеб, и до сих пор брат печёт хлеб, уже без отца. А ему самому повезло, он попал на учёбу и теперь служит в таможенной службе аэропорта. Папка для черчения лежит у них дома. И в папке хранятся какие-то бумаги Коки, надо полагать, такие бумаги, о которых никому лучше не знать. Вот, собственно, и все. И совершенно было таможенному служащему непонятно, почему Кока Сараджишвили упорно отказывается от себя самого и от своей папки с бумагами.

Таможенный служащий, немного постояв в недоумении, позвонил тому человеку, с которым должен был встретиться на Сухом мосту, попросил его извинить и поспешил к брату.

Глава 10

Поглядел пекарь на свою печь, свою кормилицу, подружку и соратницу, а хлебу-шоти мать родную, обвел взглядом всю пекарню, небольшое и в целом пустое помещеньеице, даже просто закуток с пекарской утварью, столом, парой табуреток и косым шкафом, вделанным в стену, да с ним самим, пекарем, на порог усевшимся и ноги за порог выбросившим. Поглядел он в минутном отдохновении сердца и в друг почувствовал странный, будто издалека, будто из глубины самого себя приплывший несильный, но все-таки удар сердца, заставивший его вздрогнуть и удивиться: что это? – а потом сразу же вспомнить отца, ушедшего после такого же удара, успевшего только показать: сердце! Удивился пе-

карь, вздрогнул и присмирел. А оно, сердце, ведь отдохновенное же, оно, сердце вдруг какой-то испуганной птичкой встрепетало, так что пекарь даже кашлянул, будто воздух из себя вытолкнул. Отец так же в своё время от печи выпрямился и вдруг остановился, в себя посмотрел, на сына посмотрел, показал: сердце! – и умер. Пекарь замер, стараясь не думать о самом страшном: что это?

А сердце ещё встрепетало, и пекарь ещё кашлянул. Сердце ещё встрепетало, пекарь ещё кашлянул. А потом сердце выровнялось, выправилось, вернулось в прежний ритм. Пекарь пождал повторения, в тревоге подождал, не повторится ли, в тревоге как бы позаглядывал себе в сердце – и не дождался, не повторилось. Он себя послушал и не услышал птички, воздух из него выталкивающей и заставляющей кашлять. Он услышал – сердце стало биться ровно и с хорошей частотой, какую обычно не замечают. Глубоко и облегченно вздохнул пекарь, отца ещё раз вспомнил, перекрестился, сказал: эх, отец!

И увидел, что прозевал прохожих, мужчину и женщину, явно не местных, явно туристов. – Вот вкуснейший хлеб-шоти! Всего один лари за хлеб-шоти! Хлеб! – весело крикнул вдогонку пекарь.

Мужчина и женщина, туристы, оглянулись, друг на друга посмотрели и вернулись, купили хлеб-шоти, вдохнули его благодный жар и дух: о! – сказали, поблагодарили и дальше пошли. А он, пекарь, поглядел на кусочек улочки, от его порожка видный, поглядел на кусочек неба, от его порожка видный, хороший, ясный, чем-то на его хлеб-шоти похожий кусочек неба: эх, отец! – сказал.

А с другого конца видимого кусочка улицы рукой ему замахал брат. Пекарь тоже ему замахал. Брат подошёл. Пекарь к косяку придвинулся, рядом место на порожке высвободил. Брат сел.

– А я Коку Сараджишвили видел! – сказал.

– Ну и?.. – хотел вскочить с порожка пекарь от такой новости.

Но двоим тесен был порожек. Просто так сидеть и друг друга, брату брата, чувствовать было не тесно. А от неожиданной новости вскочить оказалось тесно. Не смог вскочить пекарь.

– Ну и? Что? Где он? Почему ты его не привел сюда? – не сумев вскочить, схватил пекарь брата за плечи.

– В парке за Кашветской церковью я его встретил. Но он говорит, нет. Он говорит, не Кока! – сказал брат.

– Не может такого быть! – сказал пекарь не совсем понятно: то ли не может такого быть, что Кока от себя отказывается, то ли не может такого быть, что Коку можно встретить в парке за Кашветской церковью.

– Видел! – сказал брат. – Видел и говорил с ним. Я обрадовался. Я сказал ему, что мы его помним. Я сказал, что ты здесь. Он сказал, нет, не Кока! Я сказал, что он с тобой к нам много раз заходил. Он все равно сказал, нет, не Кока. Я сказал, что амнистия же вышла, что его бумаги мы храним, что все хорошо, что ты здесь. Я позвал его. Он сказал, что я ошибся, что он не Кока!

Пекарь снял руку с плеча брата, посмотрел на него, посмотрел опять в видимый кусочек улицы, посмотрел в видимый кусочек неба, посмотрел снова на брата, сказал:

– Нет, Гоги, ты ошибся! Кока не мог не зайти к нам. Мы поклялись, братец!

Сказал так пекарь и печально плечи свои опустил, печально перед собой на клочок земли, на серый асфальт стал смотреть.

– Мы поклялись, братец! – сказал ещё раз.

Глава 11

– А вот и название! Вот и название: «Заповеди веры о духовном и телесном!»

Так сказал добрый человек и написал, и ещё раз сказал, сказал нараспев, в удовлетворении от своего труда.

– Заповеди веры!.. – нараспев сказал он.

И был он удовлетворен трудом, и был удовлетворен собой, умеющим многое, а более всего умеющим поступить по правде, поступить так, что сам отец Доситеос только встряхнет мудрейшей своей головою, этак поведёт ею из стороны в сторону, поджимая в удовольствии губы, и с причмоком скажет:

– Ну, Кока Сараджишвили! Быть тебе, шельме, в геенне огненной, если не поумнеешь! А сам возьмет труд, перечтет на другой раз для вящей памяти, а потом во храме объявит:

– А по сему, – объявит, – пиши, сын мой, Николоз Сараджишвили!..

И он, добрый человек, в готовности перо к бумаге приблизит, в ожидании пресветлого речения правды очи внесет к патрону, к достославному отцу Доситеосу, и очами скажет:

– Готов писать!

– А по сему! – скажет отец Доситеос в разделении слов на слоги, будто, складывая слова из слогов у себя в голове. – А по сему, вот «Заповеди веры вам о духовном страждати, а телесное постом морити, вам, худым овцам, в гордыне своей пристрастившимся к удовлетворению животов своих, а не к служению Богу нашему, о заповедях божиих забывшим и прямо во ад устремившимся! Велю вам:

...Велю тебе, Кикола Медзмаришвили, повернись лицом к Богу и обещаю перед святым престолом и крестом, что натвердо заучишь сии Заповеди и более не допустишь к себе и к своей семье служанку, тобой, мерзким грешником, соблазненную!..

...Велю тебе, презренный Бежаника Иоселиани, повернись к Богу и обещаю более не грешить со своей служанкой!..

...А ты, драчун и забияка Леон Гогоберидзе, обещаю мне, как перед святым отцом, более не ссориться с Богом тебе данной супругой!..

...А ты, Шошита Авалиани!..

...А ты, Отиа Авалиани!..

...А ты, Бежо Мхеидзе!..

И он, добрый человек Кока Сараджишвили, писец, полетит пером по бумаге от листа к листу, понесет изреченную отцом Доситеосом правду заблудшим овцам Киколе, Бежанике, Леону, Шошите, Отиа, Бежо... и многим-многим всяким другим, имеющим имя христианское, но

заповедями Христа пренебрегающим. Полетит он будто не пером по бумаге, а плотью свою по тверди небесной и чистой, вынося веления отца Доситеоса, ему самим Кокой Сараджишвили подсказанные, и будет летать так завтра и послезавтра, и будет летать изо дня в день, из года в год, будто неустанный он, будто и разогнуться ему не надо, будто и отвлечься на что-либо другое не надо, будто силы свои подкрепить коркой хлеба и глотком вина не надо, или не надо ему мельком взглянуть на мимо проходящий с постным лицом, но лукавыми глазами сосуд дьявольский, на мимо проходящее порождение ребра Адамова. И всею душой понимает он, писец Кока Сараджишвили, указанных Кикол, Бежаник, Леонов, Шошит и прочая и прочая и прочая. И бражничает он с ними, делит плоть и кровь Христову, и понимает он их, и разделяет грехи их, ибо невозможно устоять, когда сии сосуды дьявольские столь прекрасны, столь приманчивы, столь притягивающи, что бурю несдержимую, кипятком клокочущим выворачивается нутро, отбивается память его, Коки Сараджишвили, и несет, и несет самого Коку Сараджишвили, пока не падет он, грешный вместе с сосудом сиим. Понимает он, но волею Божиею вынужден писать за патроном своим, за отцом Доситеосом, самим же вынесенные наказания:

...Тебе, Кикола, изгнать из дома своего соблазненную тобой служанку, иначе наказание тебе проклятие Доситеоса...

...Тебе, Бежаника, под страхом проклятия более не грешить со служанкой...

...Тебе, Шошита, оставить и более не грешить с женой пропавшего твоего человека и вернуть её мужу, если он объявится...

...Тебе, Отиа, не обижать жену священника, отнятую у мужа турком и возвращенную русским войском, не отнимать у неё ребёнка, если он появится от турка, но быть ему крестным отцом...

...Тебе, Леон, в случае ссоры с супругой решить дело не кулаками, а обращением за помощью к отцу Доситеосу...

...Тебе, Бежо, не продавать и не отдавать в приданое незаконного ребёнка своего сына...

И все наказания, все «иначе тебе», исходящие из уст достославного Доситеоса, были из под пера сего доброго человека Коки. Грозны они на бумаге. Жуть охватит каждого, кто услышит о них, кто услышит: «...иначе тебе проклятие моё...» Но мягок достославный Доситеос. И будет смотреть Кикола, как и Бежаника, на новых служанок. И будет Шошита грешить с женой пропавшего своего человека, а вернет ли, если тот объявится, ещё неизвестно. И разве что Отиа не станет обижать несчастную и отнятую турком жену священника и станет крестным отцом её ребёнка, зачатого от турка. И разве что Леон наберется терпения и в следующую ссору со своей супругой пойдёт за помощью к отцу Доситеосу. И разве что старый Бежо прижмет к груди родившегося не в браке сына своего сына.

Кто знает, как у них выйдет. Грешен человек, и очень просто ему не сдержать сердца. И очень сложно ему внять разуму.

Глава 12

Славные наши граждане, накануне самолётом прилетевшие из Москвы, и передохнувшие в крохотной комнатенке с синей дверью из подворотни, за день исходили едва

не весь старый город – это при том, что в старый город они пришли пешком с улицы Чикобава по уже указанному маршруту, а потом пообедали в подвале с названием «Воды Лагидзе». Гражданин сказал:

– Где-то здесь на Руставели должна быть забегаловка Лагидзе. Там дают вкусный лимонад и вкусные хачапури. Пойдем?

И гражданка, его спутница, с готовностью согласилась. Она как-то так неудачно ещё у себя дома в их городе положила в чемодан какие-то такие туфли, которые ей за день ходьбы напрочь сбили ноги, но она за весь день, городом вдохновленная, ни на туфли, ни на ноги не пожаловалась. Очень хорошая спутница досталась гражданину. А вот сам гражданин все-таки был странен, по крайней мере, к нему могло бы быть при случае несколько вопросов.

Ну, например, первый вопрос. Почему он при заявлении, что в городе оказался впервые, так уверенно пошёл со своей улицы Чикобава в нужном направлении и безошибочно вышел к старому городу, ни разу никого не спросив, ни в какие туристические схемы, не заглянув, и, как уже проверено, в связи с узостью улочек, по которым он направился, правого берега со старым городом и всемирно известным проспектом Руставели не увидев. Не спросив, не взглянув, не увидев, он совершенно уверенно повел свою спутницу на Воронцовский мост и так далее по уже описанному маршруту. Да и откуда он так уверенно пригласил свою спутницу в «Воды Лагидзе» на лимонад и хачапури?

А второй вопрос, который можно было бы предъявить гражданину, якобы впервые в городе оказавшемуся, состоит в том, откуда известно ему то, что почти точь-в-точь этим же путём хаживал в своё время гениальный Нико Пиросмани. Вот описание в искусствоведческих исследованиях его постоянного пути, если ему приходилось отправляться в старый город: «Длинные-длинные привокзальные улицы: Молоканская, Абастуманская, Вокзальная, Авчальская <...> А если поиски работы вели его на Майдан, то он предпочитал идти туда не через центр, не по Верийскому мосту <...> а по Михайловской, потом по Воронцовскому мосту <...> чтобы, миновав несколько кварталов, нырнуть в узкую извилистую щель Анчисхатской улицы ...» И что? Прикажете сочесь гениальным и нашего гражданина, если он никогда в городе не бывал, а повел свою спутницу в старый город никак иначе, а только тем же путём, путём Нико, ни разу самого Нико не упомянув! А комнатенка эта за синей дверью в подворотне и под лестницей! Если кто-то знает, помнит, а тем, кто не знает, напомним, как назвал обиталище Нико его современник и художник Ладо Гудиашвили. «Не комната, а обозначение комнаты» назвал он обиталище Нико.

Вот это и кое-что другое, частью уже объясненное, а частью предстоящее к рассказу вызывает в лучшем случае недоумение. Очень странным оказывался на поверку гражданин.

И уже ни в какие ворота не лезет, не влезает, никак не укладывается в голову следующее признание, которое сделал гражданин своей спутнице, вернувшись в свою комнатенку в подворотне.

Спутница гражданина тотчас скинула свои злополучные туфли и стала осматривать свои несчастные ноги, вернее, свои не несчастные, а безупречные как в плане своей формы, так и в плане выносливости, но в данном случае сбитые негодными туфлями ноги,

а гражданин поспешил в душевой закуток. И пока он там совершал совершенно необходимое после целодневного шатания по знойным улочкам омовение, спутница открыла окошко, выходящее в подворотню и прилегла на тахту, несколько приподняв (простите за интимную подробность) подол платья выше своих безупречных колен – совершенно, как говорится, без какого-либо умысла, а только в общем контексте укладывания поудобнее уставших и тем более сбитых в нос. Гражданин, обтираясь полотенцем и (еще раз простите за интимную подробность) в костюме Адама, вышел из душевого закутка, увидел свою спутницу, в царственном отдохновении несколько выше обычного обнажившую свои безупречными ноги, восхитился, оставил полотенце и в контексте (еще раз употребим это слово), в контексте кадра возвел к потолку обе руки:

– О, моя царица!

Разумеется, по закону кадра (для чего же иначе было говорить об открытом окошке!), в окошко именно в этот момент заглянул мимо проходивший местный гражданин. В своём воздевании рук к потолку наш гражданин местного гражданина, проходящего подворотней и заглянувшего в окошко, не увидел. А гражданка, спутница нашего гражданина, увидела. И излишне говорить, что весь кадр, всю сценку увидел проходящий подворотней местный гражданин.

Спутница нашего гражданина смогла сказать только:

– Ой!

Наш гражданин, будучи весь в своём воздевании рук к потолку, сказал только:

– О, да, моя царица!

А прохожий местный гражданин, конечно же, сконфуженно из окошка исчез. И всё.

Вот такая произошла сценка. И, невзирая на свои сбитые ноги, гражданка, спутница нашего гражданина, поспешила встать с тахты и закрыть столь беспечно открытое ею же самой окошко. При этом гражданин в непонимании спросил:

– Что?

А гражданка, смущённая всем произошедшим, неуверенно ему ответила:

– Сейчас к нам в окошко заглянул Нико Пиросмани!

Гражданин на это сказал:

– Да ну что ты, глупая!

И оба взглянули на кухонный столик, на котором ещё с утра стояла бутылка вина «Нико Пиросмани».

Через минуту, конечно, гражданка поняла, что Нико Пиросмани никак не мог заглянуть к ним в окошко и по случаю временного пространства, и по случаю его очень особенного характера, который некоторые называли «дарбаисели», то есть называли человеком, отличающимся достоинством, а некоторые просто называли графом. И в том, и в другом случае, – ни дарбаисели, ни граф в окна не заглядывают. Тем не менее, она так сказала.

И наш гражданин вдруг остановился и, сам себе не веря, сказал:

– А я вот сейчас вспомнил, Маша, свой сегодняшней сон, в котором я был... Помнишь, как меня в сквере называл тот странный человек Гоги... Так вот, сегодня во сне я был тем самым Кокой Сараджишвили и более того...

В этом месте его спутница воскликнула:

– Слава, но ведь так тебя он назвал утром, уже после твоего сна!

Гражданин сказал:

– Именно после, Маша! А во сне я был Кокой Сараджишвили! И было это в какие-то абсолютно давние годы. И был я там каким-то грамотеем, написавшим бумагу местному священнику. Я даже сейчас его имя вспомню – имя Доситеос. Я написал что-то вроде судебного приговора для неких людей. И он этот приговор стал зачитывать тем неким людям, которые якобы были моими друзьями. Что-то они там каждый натворили!..

Спутница гражданина, спросила:

– На каком же языке ты писал, Слава?

Гражданин ответил:

– Не помню, Маша! Этого я не помню!

Так сказал гражданин своей спутнице о своём сне, более подробно изложенном в предыдущей главе.

Решительно вызывающими недоумение, если не сказать больше, явились наши граждане.

Глава 13

На следующий день наши граждане решили подняться на гору Давида, служащую пантеоном города. К сожалению, среди его могил нет могилы Нико Пиросмани. И никто не знает, где он упокоился, где его могила, потому что, как уже здесь было сказано, умер он в Пасхальные дни 1918 проклятого года и похоронен как безвестный в общей со всеми неизвестными могиле, и могила та забыта, если совсем не утрчена.

Гражданка спросила:

– А что тебе сегодня приснилось, Слава?

Гражданин ответил:

– Ничего мне сегодня не снилось, моя царица!

И он солгал. Причина такого его поступка была весьма банальной. Ему снова пришлось быть в качестве, как он выразился, грамотеем, пишущим очередные бумаги – что-то вроде судебных документов, но судебных документов не уголовного, а как бы сказали в наше время, сугубо гражданского характера, никакого интереса не представляющих. Ну, в самом деле, кому интересно знать, что некий человек по имени Бери продал своё имение некому Беруа Бегиашвили, а тот передал его в наследственное владение своему сыну по имени Китеса, о чём во время сделки Кока Сараджишвили лично не присутствовал, но столкнулся с документом, удостоверяющим сделку, судя по дате, только через тридцать лет и при продаже своего имения неким Датуа Микеладзе не кому-нибудь, а уже нам известному Китеса Бегиашвили. И что, собственно, тут такого интересного, чтобы о том поведать своей спутнице, кроме, может быть, того, что следовало бы порадоваться удаче сего Китеса не только в его приобретении дополнительной собственности, но и его удаче в выживании в те непростые тридцать лет, предшествующие присоединению всего того

края к России – а сон почему-то навевал гражданину именно эти времена. Кстати, и за Коку Сараджишвили следовало бы порадоваться. Тоже сумел сохранить не только жизнь, но и здравый ум и твёрдую память в те переменчивые и жестокие годы нашествий персидских шахов и турецких султанов, а также лезгинских разбойничьих партий.

Но и этому предположению есть весьма убедительное возражение. И писец Кока Сараджишвили, и удачливый собственник Китеса Бегиашвили, и все прочие, включая досточтимого отца Доситеоса, были плодом сна гражданина, пребывали, так сказать, в виртуальности. И правильно гражданин сделал, что не стал говорить правды своей спутнице, пусть и такой верной и, по всему виду, гражданина очень любящей.

Она, кстати, спросила:

– А интересно было бы увидеть во сне Нико Пиросмани, Почему ты не можешь его увидеть?

– Гражданин ответил:

– Наверно, было бы интересно!

С тем они пошли на гору Давида. И на этот раз они пошли через Верийский мост, куда гражданин, никого не спрашивая, ни в какие туристические схемы не заглядывая, вывел свою спутницу безошибочно. С моста они поднялись на проспект Руставели. Тут гражданин в определении дальнейшего пути на гору Давида замешкался, провёл свою спутницу по проспекту в направлении Майдана, если называть эту нынешнюю площадь Свободы по-старому. И по пути спутница попросила гражданина повернуть к одной из скамеек, упрятавшуюся за раскидистым, с толстыми нижними сучьями деревом. Ей потребовалось поправить повязки на сбитых во вчерашних хождениях по старому городу своих безупречных ногах. Они уселась на скамейку. Спутница склонилась поправлять повязки, а гражданин поднял глаза на раскидистую крону и увидел прямо над головой привязанный на одном из нижних сучьев тряпчатый баул. Уже ничему не удивляясь, он сразу подумал, что этот баул мог здесь пребывать со времен приснившихся ему, то есть времен нашествий персидских шахов и турецких султанов, а также лезгинских разбойничьих партий и последующего присоединения края к России. О том можно судить по некоторым подробностям снов, таких, как, например, вспомним, жену священника Коридзе, отнятую турком, но возвращенную русскими солдатами.

Однако он ошибся (не обладал же он, как уже мы сказали, тонкой интуицией, необходимой для постижения в полном объеме всей сути этого города). Не успела его спутница управиться с повязками, как к ним подошёл – нет, не вчерашний Гоги – к ним подошёл местный пожилой человек в поношенных одеждах и с запущенной бородой. Он по-русски сказал:

– Здравствуйте, молодые люди!

Гражданин в свете вчерашнего знакомства с таможенным служащим Гоги и в свете своих снов в некотором, но довольно мягком, даже в шутовском раздражении ответил:

– Здравствуйте, молодой человек! Я Кока Сараджишвили! Будем знакомы!

Пожилой человек внимательно посмотрел на гражданина и отвлекшуюся от своих повязок его спутницу и сказал:

– Вполне возможно, что вы Кока Сараджишвили. А знали ли вы Коку Игнатова, художника Божьей милостью?

Гражданин не замедлил с ответом. Он сказал:

– Если судить по тому, за кого меня здесь принимают, я вполне мог быть знаком и с вашим Кокой Игнатовым, и с всемирно известным Нико Пиросмани!

Пожилой человек сказал:

– Да. Здесь всех принимают хорошо! Гость от Бога! К сожалению, я не могу вас принять, так как мой дом – вот эта скамья, а моё имущество висит вон в том бауле на дереве!

Оба, гражданин и его спутница, в удивлении и, не веря словам пожилого человека, враз воскликнули:

– Что вы такое говорите! Ваш дом здесь?

Пожилой человек сказал:

– Понимаю, что это несколько необычно. Но это как раз в духе упомянутого вами Нико Пиросмани!

Оба, гражданин и его спутница, снова враз спросили:

– Вы художник?

Пожилой человек с улыбкой сказал:

– Да, в некотором роде! Во всяком случае, я получаюсь человеком богемы, если судить о моём образе жизни!

Гражданин снова вспомнил свои сны и совсем не к месту (без интуиции же!) спросил:

– А вы не знаете священника Коридзе, у которого турок отнял жену, но которую потом ему вернули русские солдаты?

Пожилой человек сказал:

– Я жил, молодые люди, в другое время!

Он так сказал, а потом вдруг помрачнел и к сказанному с болью сказал:

– Я жил в другое время. Но жену у меня, как вы изволили сказать, действительно отняли. её отняли вон там, дальше по проспекту на нынешней площади Свободы. Судьба толкнула её в это утро туда и именно в такую минуту, когда там начали стрелять по людям снайперы. Она не была среди тех, кто там митинговал. Она просто хотела пройти к больной подруге. А там начали стрелять снайперы, совсем как на киевском Майдане. Конечно, никто никаких снайперов не нашел, да и искать никто не собирался. Обвинили каких-то бедолаг – и все!

Пожилой человек помолчал, а потом, решив, что можно сказать дальше, сказал:

– А я теперь живу здесь. Я чувствую, что моя жена не умерла, что она осталась где-то здесь. И я, её муж, естественно, обязан жить здесь!

Пожилой человек посмотрел сначала на спутницу гражданина, потом на самого гражданина:

– Разве кто-то из вас поступил бы иначе?

И вдруг, не ожидая ответа, пожилой человек ушёл в себя, уткнулся подбородком в грудь и стал говорить явно не гражданину и его спутнице, а кому-то из здесь отсутствующих, с кем у него, возможно, был разговор ранее:

– Да, царица Мариам ударила его кинжалом в живот. И ударила она с такой силой, что острие кинжала вышло со стороны спины. И это известный факт. При этом она в гневе сказала: «Такой смерти достоин всякий, кто играет на моём несчастье!»

Так стал говорить пожилой человек. И конечно, его слова в данном случае были столь же необычны, как необычны были сны гражданина, а также и некое внимание к гражданину со стороны таможенных служащих как в Москве, так и в этом очаровательном городе.

Глава 14

Для разъяснения слов пожилого человека следует обратиться к давней истории присоединения Грузии к России. Многие годы – да едва не целых два века! – принято было считать присоединение добровольным, по просьбе последнего царя Грузии Георгия Двенадцатого. А с объявлением независимости Грузии в 1991 году в самой Грузии возобладала иная точка зрения, а именно та, по которой Грузия была аннексирована Россией, вероломно воспользовавшейся тяжёлым положением Грузии в тот период. Наше мнение состоит в том, что к концу 18 века в результате нашествий Персии и Турции, в результате набегов дагестанских феодалов, в результате внутренних распрей как среди царствующего дома, так и местных князей, Грузия, будучи разделенной на несколько независимых друг от друга и постоянно враждующих друг с другом её частей, нисходила со страниц истории. Достаточно привести такой факт, как то, что до нас не дошёл ни один государственный архив того периода. Все они погибли в пожарах тех нашествий и тех распрей. И было со стороны Грузии вхождение в состав России добровольным волеизъявлением народа и государя или было это вхождение в результате силы и коварства со стороны России – это вопрос второй. Первым же был вопрос именно о самом существовании грузинского народа, чему свидетельством стало очередное и поставившее на грань исчезновения Грузии не только как государства, но и вообще как народа, нашествие персидского правителя Ага-Магомед-Хана в 1795 году. А этих нашествий было не счесть во всю историю Грузии. На выбор открываем страницу «Историю царства Грузинского» грузинского царевича Вахушти, написанную в том же 18-м веке. Стр.133: «Вступил шах Исмаил в городскую тбилисскую крепость, разбил иконы и кресты и ограбил. И бросил в Куру икону Сионской богоматери (которую потом нашел Леван в Навтлугской роще), разорил город и пленил жителей, построил мечеть у моста, в верхней крепости поставил воинов своих и занял её для себя. Затем послал из Тбилиси отряды в качестве грабителей и разорил Самцхе, кого только нашли. Затем отступил и ушёл в Персию». Было это в 1522 году. Вот стр. 173: «А весной состоялся большой поход лезгин, и подвергся Кахети нападениям, истреблению, пленению, разорению и сильному опустошению». И так, практически, было из года в год.

Или вот такое невидное, не связанное с военными набегами и нашествиями сообщение того же царевича Вахушти о царе Ростоме, воспитанном в Персии и перешедшем в мусульманство: «Учредил он дворцовых правителей своих по обычаю кизибашскому, но не упразднил грузинский, и так были оба при дворце обычая. И награждал он дарами не-

многими грузин и этим делал их верными. Ибо в то время грузины были мужественными, твёрдыми в вере, честными, не сребролюбцами. А он привел из Персии омусульманившихся пленных грузин, и по их вине распространились среди грузин роскошь, кизилбашские пиршества, прелюбодеяние, ложь, наслаждение тела, персидская баня, щегольство непристойное, арфисты и певцы мусульманские. И кто не пристрастился к этим делам, их не почитали. И власти тоже совратились и совершали непристойное».

Вся история Грузии омрачена также межфеодалными распрями, работорговлей, читать о которых нельзя без сжимавшегося от горечи и переживаний за эту благословенную страну сердца. В 1783 году с целью сохранения государства Грузия заключила с Россией документ (Трактат), по которому часть Грузии, составляющая Каргл-Кახетинское царство, переходила под покровительство России. А в 1801 году она вообще была присоединена к России с упразднением царства. Илья Чавчавадзе, один из наиболее почитаемых в Грузии общественных деятелей и поэтов, по этому поводу сказал: «Утихомирилась давно уже не видевшая покоя усталая страна, отдохнула от разорения и опустошения, от вечных войн и борьбы <...> Наступило новое время, время покоя и безопасной жизни для обескровленной и распятой на кресте Грузии, которую Господь создал земным раем для человека, но которая едва не обратилась в братскую могилу для её самоотверженных сынов, погибших без помощи и надежды, в одиночестве и вдали от всех, во имя величия христианства и сохранения своего национального лица».

И имя Мариам, произнесенное пожилым человеком под сенью раскидистого дерева на проспекте Руставели, принадлежит второй жене последнего царя Грузии Георгия Двенадцатого, вступившего на престол после смерти своего отца царя Ираклия Второго в 1796 году, царя по деяниям равного великим грузинским царям древности Давиду Строителю, царице Тамар, Георгию Блистательному. Первая жена Георгия – княжна Кетеван Андроникашвили скончалась в семнадцатилетнем возрасте, приведя в величайшее уныние Ираклия Второго, любившего и ценившего её всей душой. «Вот когда погиб дом мой!» – сказал над её гробом Ираклий. Слова его оказались пророческими. Георгий вскоре женился во второй раз и взял в жены княжну Мариам Цицишвили. Мариам отличалась невиданной красотой, но, по словам историка В.А. Потто, она не имела «того благотворного влияния, каким отличалась так рано скончавшаяся царевна Кетеван, любимица Грузии».

И далее Потто пишет: «Вступив на престол, Георгий не имел достаточной силы и твёрдости противостоять процветавшей кругом него внутренней смуте. Его мачеха, царица Дарья (вдова Ираклия царица Дареджан – А.Т.), заставившая перед смертью Ираклия разделить все царство на уделы не в пользу Георгия и его потомства, теперь сделалась центром интриг и строила козни с целью вовсе устранить от престола потомство Георгия. Она и сыновья её не хотели признавать верховной власти царя и искали покровительства в Персии. В этих трудных обстоятельствах, чтобы успокоить наконец родину, истомленную борьбой с врагами, и вместе с тем предвидя всю трудность удержания престола за своим домом, Георгий просил императора (России – А.Т.) Павла Первого принять Грузию в вечное русское подданство».

Эту цитату В.А. Потто мы приводим с тем, что она более просто, не искажая сути, объясняет ситуацию присоединения стоящей на грани исчезновения Грузии к России. Об этом

же говорят не только российские историки, но и западные. Достаточно в качестве примера привести труды английских историков Джона Баддели и Дональда Рейфилда, в которых страшные картины разорения и страданий простого народа и страшные картины феодальных распрей занимают многие и многие страницы. Разумеется, присоединение не было простым. Ему противились как партия царицы Мариам, как партия царицы Дареджан, как царь западной части Грузии под названием Имерети, как многочисленные владетельные князья, по силе равные царям и частенько ими становившиеся, так и Персия с Турцией. И хотя, вопреки строкам М.Ю. Лермонтова, о том, что после вхождения под десницу России Грузия «цвела в тени своих садов за гранью дружеских штыков, не опасаясь врагов», Грузия не цвела ещё десятка три лет, раздираемая смутами и мятежами, но «Божья благодать» хотя бы в отсутствии нашествия со стороны южных соседей на неё все-таки «сошла». С этого времени страна стала развиваться и из азиатской стала превращаться в европейскую.

Возвращаясь же к пожилому человеку, чей рассудок, по всему, был омрачен гибелью любимой жены, к упоминанию им имени царицы Мариам, надо сказать, что с целью прекращения смуты и установления в присоединенной стране пусть не процветания, но хотя бы мира и спокойствия, весь царский двор было решено переселить в Россию. Двор, конечно, этому воспротивился, и в тот момент, когда русский генерал Лазарев пришёл арестовать зачинщицу смут царицу Мариам, она ударила его кинжалом и произнесла те самые слова, которые наш гражданин и его спутница услышали из уст пожилого человека. «Такой смерти достоин всякий, кто играет на моём несчастье!» – якобы сказала царица Мариам. Так ли этак ли, но якобы очевидцы зафиксировали именно эти слова.

Далее В.А. Потто пишет: «Прошло сорок семь лет со дня кровавой катастрофы... и всепрощающая смерть (самой царицы Мариам – А.Т.) примирила почившую с русским народом. Все было забыто, все прощено, и прах последней грузинской царицы с торжеством и военными почестями возвратился на родину».

Однако мятежный её дух вселился в несчастного вдовца, в пожилого человека, покинувшего свой дом ради скамьи на оживлённом и овеваемом бесконечным праздником проспекте, где, по его представлению, осталась жить душа его жены, безвинно погибшей от пули снайпера, выстрелившего во время очередной смуты, затеянной теми, кто сам себя объявил властителем. И что было в душе бедняги пожилого человека, произносимого эти слова – собирался ли он взяться за оружие и пойти мстить кому-то, власти ли, неизвестному убийце ли, или в омраченной его душе эти слова не имели никакого смысла, кроме только того, что были когда-то им узнаны и довели над ним в его суровый час, сказать мы не можем. Гражданин и его спутница почли за благо удалиться – они же были гражданами иной страны, а в этой стране были гостями.

Глава 15

Спутница спросила:

– Ты не знаешь, о ком он говорил?

Гражданин ответил:

– Нет, не знаю!

Они ещё прошли по проспекту, оживлённому, жизнерадостному, сияющему не только солнечными пятнами на деревьях пока ещё теневой его стороны, но сияющему даже самими тенями этой стороны и вообще просто сияющему, многолюдному, многоговорливому, так не похожему на главный проспект в их городе, тоже не плохом городе. А если взять да начать сравнивать тот город с этим городом, то при добром расположении к обоим городам, можно найти между ними даже некоторые схожести.

Например, этот город назван самим царем, а тот город назван в честь царицы.

В этом городе есть гора Святого Давида, в том городе ею может служить Вознесенская горка.

В этом городе есть крепость на скале, а в том городе есть природный скальный памятник Каменные Палатки, похожий на крепость.

В окрестностях этого города есть Черепашье озеро, а в окрестностях того города есть озеро Шарташ.

В этом городе жил всемирно известный художник Пиросмани, а в том городе жил пусть известный только горожанам, но такой же художник Старик Букашкин.

В этом городе жил названный Кокой большой художник Николай Игнатов, а в том городе жил большой художник Виталий Волович.

В этом городе жил некий человек Кока Сараджишвили, а в том городе проживает некий гражданин, которого в этом городе принимают за Коку Сараджишвили.

В этом городе есть памятник основателю города Вахтангу Горгасалу, а в том городе есть памятник двум основателям города Татищеву и Де Геннину.

В этом городе есть памятник его защитникам в лице трехсот горцев-аравинцев, а в том городе есть памятник защитникам Отечества в лице воинов Добровольческого танкового корпуса.

В этом городе есть много памятников другим выдающимся жителям города, а в том городе таковых памятников нет, но зато есть памятники выдающимся нежителям города, например, товарищам Ленину, Свердлову, Кирову, Орджоникидзе. А при углублении в не столь далекое прошлое, то можно вспомнить и о памятнике царю-освободителю Александру Второму и в его лице как бы даже иным царям.

Правда, есть и различия – например, такие. Этот город вытянут по долине реки. А тот город не вытянут, а соблюдает очертания той квадратной крепости, которая была заложена при его основании.

В этом городе царица убила русского генерала, а в том городе были убиты царь, царица и их дети – злодеяние, кажется, не превзойденное до сих пор.

В продолжение общего между городами можно сказать, что оно было пиететным к царям (кроме указанного случая в том городе). Но примером пиететного отношения к царям в том городе может служить факт названия города именем царицы. Об отношении к царям в этом городе может сказать следующий фрагмент из труда уже упоминаемого историка Вахушти: «А в Кавтисхеви уставшего царя принимала крестьянка и, не признав в нём царя, спрашивала о картлийском войске из-за своих мужа и сыновей, находившихся в его войске.

Царь ответил, что не ведаёт о них, (но вот сам) царь жив и находится в добром здравии. Тогда женщина благодарила Бога: «Раз царь жив, тогда пусть будут все они, мой муж и сыновья, погибшими за него!» Царь даровал ей азнаурство (то есть, по-русски, дворянство – А.Т.)».

Есть одинаковые примеры царского самодурства. Правда, касаясь их, приходится говорить не о двух названных городах, а двух названных государствах, ибо тот далекий город, где обретались наш гражданин со своей спутницей, в отличие от этого города никогда столицей не был, хотя из него происходил царь Борис, первый президент, самодурство которого, как и самодурство некоторых других правителей государства Российского общеизвестны и описаны во многих трудах. А что касается здешних царей, то в том же труде Вахушти без труда можно найти много примеров подобного свойства. Ну, вот хотя бы такой пример.

«...направился царь Свимон в Гори и стал в Горисджвари, выкурил гашиш, к которому пристрастился в плену, и пил вино, захотел зелень из сада, говоря воинам: «Неужто не стыдно вам, ибо желаю зелени, вижу глазами и не могу отвесть!» Выслушав сие, воины подошли к Гори, чтобы принести зелень. Вышли из крепости османы, и завязался бой, погибли многие, хотя больше убивали пушками из крепости. Тогда убили племянника деда царя, спасета передового полка Гочу (был этот Гоча сыном Георгия, Георгий был сыном Константина, Константин был сыном Александра, Александр был сыном царя Константина, и из-за него, Гочи, детей нарекли Гочашвили). Преподнесли воины зелень царю и упрекнули его в гибели воинов. После этого прозвали царя Свимона безумным». А в русской истории цари были называемы то грозными, то палкиными, то кровавыми – разумеется, кроме царей Великих и Освободителей. Хотя, что говорить – и во Франции, например, был не только король-солнце Луи, а был и король Карл Лысый, как был король Луи-Заика...

Много, много чего отличительного и схожего можно найти в ликах и судьбах этих двух городов (как в судьбах и ликах самих этих двух народов). Но все-таки лик этого города и душа этого города открыто радостны, неунывающи, распахнуты, как сама Грузия. Лик же и душа того города более суровы, более замкнуты, более сдержанны, как сам тот горный край, именуемый, может быть, ещё и потому Камнем. Хотя порой гости того города равно же отмечают в нём и радушие, и открытость.

Глава 16

И в этот день против вчерашнего с нашими гражданами ничего не приключилось. Отойдя от местного пожилого человека, в горе своём не пожелавшего оставить погибшую жену и решившего жить на скамье неподалёку от того места, где она погибла, наш гражданин, не особо на этот раз уверенный, спросил дорогу на гору Давида у полицейских, двух вежливых молодых людей, парой стоящих в самой толчее народа. И они ему сказали, что самое верное – это пойти на нижнюю станцию фуникулера.

Гражданин показал в тот конец проспекта, где стоит памятник великому Шота Руставели, и спросил:

– Нижняя станция – это там?

Полицейские показали совсем в другую сторону:

– Нет, нижняя станция там!

Остановиться на этом незначительном эпизоде пришлось потому, что гражданин, хотя ни разу раньше не был в этом городе, однако очень точно показал прежнее место нижней станции – и это опять возвращает нас к мысли о не совсем обычных его способностях видеть прошлое, если, конечно, гражданин с заявлением о своём пребывании в городе впервые не лукавил или, по крайней мере, был чрезвычайно подробно о всех особенностях города осведомлен, но этого по какой-то причине не показывал. Полицейские однако не обратили никакого внимания ни на самого гражданина, ни на его очень точный показ прежнее местонахождения нижней станции фуникулера. И – между нами – они больше были озабочены другим вопросом. В толпе они заметили двух очаровательных цыганок с очаровательным мальшом на руках, как и положено, пристающих к прохожим с просьбами дать денег для этого очаровательного малыша, то есть развернувших попрошайническую деятельность. Вопрос мог решиться двояко – или же выпроводить цыганок с проспекта, или же их не трогать, не изыскать в их действиях ничего в правовом отношении недозволенного. Разумеется, ни о какомговоре с очаровательными попрошайками не было и не могло быть речи, чему уже давно никто не удивлялся, потому что бывший президент непостижимым образом сумел отвратить местных чиновников и особенно полицию от взяток и всякого рода говора с правонарушителями. В пору бы воскликнуть такому президенту честь-де и хвала, если бы он не развязал ту самую войну, о которой было сказано в первых строках этого повествования. Вот кого поистине в пору назвать бы, как и того царя Свимона, безумным (но это просто к слову).

Получив ответ о новом местонахождении нижней станции фуникулера, гражданин спросил, можно ли подняться на гору Давида без фуникулера, а прямо с проспекта. Полицейские ответили утвердительно и показали в первую же улочку:

– Можно вот так, а там дальше спросите!

Гражданин и его спутница свернули в указанную улочку и, переходя из одной улочки в другую, вздымающиеся с каждым шагом все круче и круче, попутно спрашивая у встречаемых прохожих о правильности пути, сумели достичь цели, то есть взобрались на святую для города гору. Там они осмотрели все достоимые могилы и храм, испили воды из родника, полюбовались видами города, нашли, чуть спустившись по довольно запущенной лестнице к каким-то постройкам, уютное место и уселись вкушать от прихваченных по пути превосходных персиков, о которых гражданин сказал, что они, вероятно, вызрели близ города Гори, того самого города Гори, в виду которого, согласно сведению историка Вахушти, царь Свимон получил к своему имени неблагозвучную прибавку. И своё предположение он подтвердил знанием, что именно в окрестностях этого города произрастают лучшие во всей Грузии яблоки, груши и персики. Их увидел вдруг вышедший из упомянутых построек священник и вежливо сказал, что мирянам здесь ходить нежелательно. Наши граждане его заверили, что далее по лестнице они спускаться не будут, но только ещё минуту посидят, отдыхая, и поднимутся наверх. Священник согласно кивнул и удалился. А гражданин после какого-то неожиданно напряжённого молчания вдруг сказал:

– Маша, а ведь во сне я видел этого священника и даже знаю его имя – Доситеос!

Спутница на это ответила гражданину:

– Слава, если бы я тебя не знала уже десять лет, я могла бы предположить, что ты служил в каких-то спецслужбах. Все десять лет я просила тебя поехать в этот город. Все десять лет ты под различным предлогом отказывался. Но здесь ты себя чувствуешь, как рыба в воде. Или я чего-то не знаю?

Она так сказала гражданину и, конечно, смягчая свои слова, нежно прижалась к нему.

Гражданин в ответ её нежно обнял и сказал:

– Маша, спецслужбы снов не смотрят, иначе все прозевают!

Спутница спросила:

– Но тебе здесь хорошо?

Гражданин ответил:

– Очень!

Спутница спросила:

– И ты, правда, не был здесь никогда?

Гражданин ответил:

– Никогда!

Спутница спросила:

– И никогда за все десять лет не поинтересовался этим городом?

Гражданин ответил:

– Ну, так, в общих чертах, в плане сообщений прессы.

Потом гражданин, вопреки просьбе священника и вопреки своему обещанию вдруг спустился по лестнице к воротцам из сетки рабица, преграждающим путь к постройкам, и громко позвал:

– Владыко Доситеос, благословите!

Вышел совсем другой священник, распахнул воротца. Гражданин склонился перед ним. Священник положил ладонь на его голову и сказал, кажется, не совсем довольный поступком гражданина:

– Благословляю, сын мой!

Гражданин спросил:

– А перед вами выходил сюда отец Доситеос?

Священник спросил:

– А вы с ним знакомы?

Гражданин ответил:

– Не совсем. Так, видел его однажды!

Священник сказал:

– Всего вам доброго! – и закрыл воротца.

И когда гражданин поднялся к своей спутнице, она в тревоге сказала:

– Слава, мне как-то тревожно. Не пугай меня больше, пожалуйста!

Она так сказала и подумала, что спутник её Слава, наверно, имел причину не ехать в этот город – он что-то предчувствовал.

Хотя, что он мог предчувствовать, обыкновенный русский человек?

И только-то они вечером пришли в свою комнатенку в подворотне, как приехал за ними хозяин и повез их на другую квартиру, большую и светлую, превосходную квартиру с внутренним двориком. Он сказал:

– Нет, нет! Нельзя таким людям жить под лестницей!

Наши граждане, не взяв в толк причину перемены в хозяине, засопровтивлялись:

– Да что вы! Да нам и здесь нормально, не стоит беспокоиться!

Хозяин был непреклонен:

– Нет, нет! Таким людям надо другую квартиру, хорошую квартиру!

Что он имел в виду под словами «таким людям», что он вдруг узнал нового о наших гражданах – приходится только гадать или искать причину не в наших гражданах, а в самом городе, отнесшимся к ним как-то этак предвзято, как-то ревниво, недаром же таможенный служащий Гоги признал нашего гражданина за местного.

Увез их хозяин на другую квартиру, превосходную квартиру на улицу Эристави и плату ничуть не увеличил, и даже извинился, что вообще вынужден брать с них плату, очень плохие времена, сказал, очень плохие. И когда они остались одни, когда осмотрелись и пришли в себя, гражданин снова сказал своей спутнице:

– А ведь где-то здесь, совсем близко жил Пиросмани!

Правда, это его знание не было каким-то запредельным. Любопытствующий искусством человек любое знание об этом удивительном художнике может спокойно почерпнуть из книг и, естественно, из интернета.

Глава 17

«После нескольких лет царь Свимон вновь подступил к Гори и бился 9 месяцев, взял Горийскую крепость и отпустил османов, не причинив вреда лета Христова 1599, и освободил Картли от османов...» – это знание мы вновь взяли из труда царевича Вахушти и приводим его просто так, из того соображения, что уж если упомянули в прошлых главах имя этого царя, прозванного Безумным, отчего бы не сказать о нём немного хорошего! А потом у нас появилось соображение (русский человек, как известно, крепок задним умом) – потом появилось соображение, а почему бы не вспомнить ещё одного грузинского царя, имя которому Ираклий Второй. Он – тот самый царь, который в результате своей созидательной деятельности смог объединить Грузию, но, перед угрозой её исчезновения под ударами извечных многочисленных врагов, вынужден был подписать документ (Трактат – о котором уже упоминалось), отдающий Грузию под протекцию, то есть под покровительство России. И один из царевичей задумал поднять мятеж, но был схвачен и казнен. По некоторым данным, авторы которых мы не можем вспомнить, но это отнюдь не царевич Вахушти, ибо он творил задолго до описываемых событий, после казни родственника царь Ираклий долго страдал тем, что у него дергалось веко. Ни у какого-нибудь персидского Шаха Аббаса или Надир-

шаха, ни у какого-нибудь османского султана Сулеймана или Мурада ничего подобного не наблюдалось – они считали нормой убивать своих сыновей в большом количестве. То есть по большей части народ сей благословенной страны был мягкосерден и чувствителен. Возможно, и хозяин квартирки в подворотне из этих же качеств улучшил условия быта нашим гражданину и его спутнице. Он увидел их кротость и их неприхотливость, с какой они приняли его подворотню, и сердце его переполнилось состраданием, сподвигло на благородный поступок. «Такие люди, такие люди!» – воскликнул он.

Глава 18

И в целом жизнь наших гражданина и гражданки или, как часто мы стали называть их гражданином и его спутницей, в сем очаровательнейшем городе была проста и безмятежна. В своих путешествиях по городу они познакомились с продавцом сыров, о которых как о лучших сырах в мире, откуда-то знал наш гражданин. Этим продавцом оказалась досточтимая матрона Кетеван, торгующая в своей крохотной лавочке в самом начале улицы Серебряной. Наш гражданин и его спутница стали заходить к ней всякий день, и всякий день на их столе была свежая пара сортов этого продукта. В один из дней они забрели в винный магазинчик, едва ли не встроенный в скалу позадь Метехского храма и отведали там за каких-то пять лари превосходного, густого кахетинского, заодно отдохнув от полуденной жары. А в другой день они соблазнились пойти туда ещё раз, но странным образом этот магазинчик не смогли найти. И, возможно, от расстройства они соблазнились на пробу вина в другом магазинчике – на проспекте Руставели – и оценили, что оно значительно уступает тому, из пропавшего магазинчика. Но даже после такой оценки они почему-то купили бутылку этого вина за целых пятьдесят лари. Правда, потом долго не могли сообразить, что же с ними такое случилось, ведь практически такое же вино продаётся повсюду по два лари за литр. В другой день они присели отдохнуть на скамью в районе бань – тех самых, в которых «татарин» мыл Александра Сергеевича Пушкина (по собственному его признанию, прежде чем мыть, он «начал ломать мне члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулаком»). Они присели отдохнуть, и к ним подошла местная пожилая женщина в чёрном вдовьем одеянии и попросила милостыню. Гражданин, в первый же день предупрежденный хозяином их квартирки о многих горожанах, обращающихся к приезжим с подобной просьбой, молча развел руками, показывая отсутствие средств. «Вы кто, инглиш?» – спросила женщина на своём языке. Наш гражданин устало кивнул головой: «Инглиш!» – «А что же сидите, как местные грузины?» – сказала себе под нос женщина. И наш гражданин уж по какому наитию, но понял, что она сказала. Собственно, что тут удивляться после того, что он увидел во сне добропорядочного священника Доситеоса из каких-то прошлых веков, а потом призвал его в священный на Святой горе. В следующий из дней в подвальчике с прохладными напитками и горячими хачапури с названием «Воды Лагидзе» – нашего гражданина вдруг узнала касир, довольно интересная молодая женщина, узнала, надо полагать, ровно так же, как и

таможенный служащий, то есть мнимо узнала. И где она могла его вот так видеть и знать, если он никогда не бывал в этом городе и в этой стране, а она, надо полагать, никогда не была в его городе? Но нет, она при его появлении радостно воскликнула:

– А я вас узнала!

А когда другая кассир её спросила:

– Ты о ком?

Она радостно показала на нашего гражданина:

– Вот! – и тут же спросила нашего гражданина: – Что же вы перестали к нам заходить?

Гражданин, как бы уже привыкший к подобным странностям жителей этого города (надо признать, очаровательным странностям), на это уклончиво сказал:

– Да вот, знаете, всё дела! – а себе под нос буркнул: – Хорошо, что не назвала Кокой Сараджишвили!

Спутнице нашего гражданина такое радостное восклицание кассира не совсем понравилось. Из него выходило, что гражданин, её спутник, не совсем с ней откровенен. Но своё чувство она подавила, искренне считая, что подозрительность не очень хорошая черта характера. Однако же она спросила:

– Славочка, но разве вы с этой дамой знакомы?

И слово «дама», употребленное по отношению к довольно интересной молодой женщине, кассиру, выдало её – все-таки, если уж она не заподозрила своего спутника и любимого человека, то слегка приревновала. Наш гражданин, конечно, это увидел. Он с некоторой усталостью сказал:

– Маша, я ещё раз говорю: как и всё в этом городе, я её вижу впервые!

Поверила его спутница или не поверила, но она украдкой от всех сказала:

– Слава, я так тебя люблю!

То есть, чисто по-женски веря во всеисилие любви, она этим признанием оградила себя от плохих черт характера – подозрительности и ревности, а своего спутника оградила от возможных претензий на него местных дам.

Он ей тоже сказал:

– И я тебя люблю, Маша!

Ей было радостно это слышать. В этой радости она его спросила:

– Но ты мне потом всё расскажешь?

Он не понял вопроса и спросил:

– о чём?

Она, обедая красивыми своими глазами вокруг, в том числе и интересную молодую женщину-кассира, ответила:

– Ну, вот обо всем, обо всем, обо всем!

– Мне не в чем тебе признаваться! Я тебя люблю. И этого мне достаточно! – сказал наш гражданин.

Не дальновидным оказывался наш гражданин, если посчитал, что такого ответа будет вполне достаточно его спутнице. Никогда ничего никакой женщине не будет доста-

точно. Это закон природы. И мужчина тем же законом природы обречен на бесчисленные повторения, уверения, увещевания, клятвы, которых при их бесчисленности и бесконечности все равно женщине будет не достаточно.

Маленькое облачко накатило на обоих и на город, и на страну – такое маленькое, что никто его не заметил ни в городе, ни в стране.

Вот только оно разве что на какую-то минуту бросило лёгкую тень на простоту и безмятежность жизни нашего гражданина и его спутницы в этом очаровательнейшем городе – очень лёгкую тень и только на минуту. По истечении минуты спутница гражданина сказала:

– Прости меня, Славочка!

Гражданин улыбнулся:

– Уже!

Глава 19

Да, сидит пекарь на порожке своей пекарни в закуске Серебряной улицы, говорит всем, отвечает на каждый вопрос о стоимости своего хлеба, цена которому всего один лари. Много прохожих-туристов на улочке. Оттуда идут и сюда уходят. Отсюда идут и туда уходят. Всякий купит хлеб-шоти, всякий похрустит его корочкой. Сидит пекарь и вертит головой, и вглядывается в каждого прохожего, порой вскидывается, расправляется, как орел-беркут, только что крыльями не взмахивает, а порой опускает плечи, приклоняет голову – устал за день. Ждёт и ищет он. Братишка обознался, напел с три корзины. «Нет, – сказал братишке. – Нет, Гоги, ты ошибся! Кока не мог не зайти к нам. Мы поклялись, братец!»

Сказал так пекарь, а душа взволновалась, потеряла покой душа, нет ей места – работать мешает, рвется лететь туда и сюда она, смотрит-всматривается в каждого прохожего.

Некогда, ещё пацаном, жил он, пекарь, на этой улочке, и случилось ему встретить странного прохожего, встреча с которым, совсем мимолетная встреча, осталась в его памяти на всю жизнь.

Станный прохожий, молодой человек лет двадцати шёл по улице Серебряной. Было ещё довольно раннее утро. Улица Серебряная, несколько более широкая против многих других улочек старого города, но столь же извилистая, как все улочки старого города, была почти вся в тени. И он, нынешний пекарь, а в ту пору пацан и житель этой улицы, шёл из хлебной лавки с четырьмя, как обычно просила мать, хлебами-шоти и нес музыку их аромата, ту музыку, о которой любил говорить преподаватель художественной школы, где учился он, пацан, мечтавший стать большим художником. Преподаватель говорил:

– Вы обязаны, если вы художники, вы обязаны видеть музыку во всем, на что смотрите, непреходящую музыку вещей, соединяющихся под вашей рукой в целый оркестр. Вот, например, улица Серебряная. Она так называется, потому что в старину здесь жили мастера, работающие по серебру. И музыка их работы, перестук их молоточков по серебряным листам, как музыка молоточков в рояле, складывалась в непередаваемую по своей чистоте и звучанию музыкальную пьесу их произведений – в оклады икон, в кубки

и азарпеша для вина, в украшения для красавиц. Эта музыка плыла по соседним улочкам, плыла к храмам, сливалась с пьесой их колоколен и создавала тот самый оркестр, который вы, если художники, обязаны ежедневно создавать, сочетая у себя на холсте одну вещь с другой. Ваши натюрморты, пейзажи, портреты, жанровые композиции должны звучать, как они звучат у великих мастеров, включая нашего великого Николоза Пиросмани. Молчащие, они не нужны никому!

Услышав эти слова о своей улице впервые, нынешний пекарь, а в ту пору пацан, мечтавший стать большим художником, невольно подумал, какая бы музыка была в его родной Серебряной улице, если бы в старину на ней, например, продавали баранов. Он так подумал и тотчас испугался своей мысли, и, согласно словам преподавателя, искал эту музыку, музыку вещей, везде, искал её даже в аромате свежего хлеба-шоти в раннее утро.

Он так шёл, а странный молодой прохожий вывернул из-за поворота. Он шёл и, казалось, тоже слушал музыку – во всяком случае, во что-то вслушивался. Они поравнялись. Станный молодой прохожий посмотрел на нынешнего пекаря, а в ту пору пацана с четырьмя хлебами-шоти, посмотрел, как бы отключился от своей музыки и спросил:

– Мальчик, где здесь улица Клятвы-на-Серебре?

Он спросил это по-грузински, то есть спросил он так:

– Бичико, сад арис ак Пицверцхлис куча?

Нынешний пекарь, а в ту пору пацан, растерялся. Что-то зловещее показалось ему в вопросе. И в самом деле, может ли быть вообще улица с таким названием – улица Клятвы-на-Серебре! Он растерялся и сказал, показывая на свою улицу Серебряная:

– Вот это улица Серебряная!

Он сказал это по-грузински, то есть сказал он так:

– Аи, ес арис Верцхлис куча!

Станный молодой прохожий сказал:

– Нет, я ишу улицу Клятвы-на-Серебре!

То есть по-грузински он сказал так:

– Ара, ме ведзёб Пицверцхлис кучас!

Нынешний пекарь, а в ту пору пацан сказал:

– Вот это улица Серебряная!

И поспешил пройти мимо – очень ему стало не по себе от общения со странным молодым прохожим.

Станный молодой прохожий в каком-то озарении вскричал:

– Серебряная? Верцхлис?.. Да, Верцхлис!.. Спасибо, мальчик!..

И пошёл своей дорогой.

А он, нынешний пекарь, а в ту пору пацан, долго помнил эту встречу, поверив странному молодому прохожему, что в городе, кроме их улицы Верцхлис, Серебряной, ещё есть и улица Пицверцхлис, улица Клятвы-на-Серебре, как можно перевести её название. И через много лет он понял, что странный молодой человек искал именно Серебряную улицу, но, не будучи грузином, спутал слова «верцхли – серебро» и «пицверцхли – клятва на серебре». И

через много лет он, пекарь, будучи ещё не пекарем, поклялся на серебре с боевым другом Кокой Сараджишвили, ныне пропавшим. Они наскоблили немного серебра от старого кинжала в вино и выпили, сказав о вечной с сего момента дружбе. Так поступали в старину.

Глава 20

Историк царевич Вахушти сообщает:

«И лета Христова 1511 убил царя кахов сын его Георгий, названный с того времени Злым Георгием. И не удовлетворился убийством отца. Стоял в ту пору царь картлийский Давид со своим двором и охраной в Атени. Напал Злой Георгий на царя Давида. И царь Давид в отсутствии войск не смог противостоять, и закрылся в Атенской крепости, и послал верного человека в Тбилиси за войском. Осадил Злой Георгий царя Давида, но подступиться не смог и в боязни войска давидова отступил и ушёл в Кахети. Но не удовольствовался и этим злом и вновь стал разорять и грабить и пленять Картли.

А лета Христова 1512 пришло войско султана османского несметное на Самцхе и Имерети.

В том же году напал царь Имерети Баграт на Вахтанга в Мохиси и победил. Мирил царь Давид Баграта и Вахтанга. А Злой Георгий продолжал бесчинства в стране Давида, в Картли. И предложили братья царю воспротивиться. Он же отвечал: «Из-за своего зла получит он возмездие, почему же мы должны затеять смуту?» Однако брат его Баграт сказал: «Отнял он у отца Кахети. И ныне хочет Картли! Дай мне землю Мухрани и ущелья Арагви и Ксани, и владения горных людей мохевцев и мтиулов. Встану я против Злого Георгия». Так и сделал царь Давид.

Построил Баграт Мтверскую крепость. Получив весть об этом, пришёл Злой Георгий с большим войском, окружил, и три месяца не было Баграту выхода из крепости. Послал на четвёртый месяц Злой Георгий в крепость кувшин с вином с повелением сказать: «Ты уже много времени не пил вина, вот, угощайся!» А в колодце с холодной водой держал Баграт большого лосося. И отослал в ответ Злому Георгию: «Ты три месяца не можешь поймать ничего. Вот тебе живая рыба, угощайся!» Поверил Злой Георгий о многом запасе у Баграта и отступил, разорил, что мог, и пошёл к себе.

И так как он уже никого не боялся, то отослал войско вперёд, сам же с немногими людьми шёл и забавлялся охотой. В теснине Дзалиси захватил его царь Давид и вернул в Мтверскую крепость, сказав: «Погости здесь. Ты желал этого!» – и заключил в подвал, а потом удавил. Сына же его Левана вместе с его матерью сумел спрятать у себя князь Гарсеван Чолокашвили, так как были в родстве с ней.

Лета Христова 1518 выступил шах персидский Исмаил для разорения Картли. Услышал это царь Давид, собрал дары большие и сына своего Рамаза и послал шаху. Узнав такое, сын Злого Георгия, Леван, спасенный от Давида Гарсеваном Чолокашвили, кахами был призван и занял Кахети, а царь Давид в ожидании сына или войск шаха не смог препятствовать. Шах же, затеяв войну с османами, нуждался в том, чтобы грузины помогли ему, и щедро одарил Рамаза и вернул с почестями. Тогда только царь Давид смог пойти против Левана и осадил его в крепости Маграни, и сильно Леван нуждался, и хотел отдать крепость.

В это время пришла весть о том, что султан османский вошёл в Картли. И надо было царю возвращаться против султана. Однако, видя, что Леван сильно нуждается и хочет сдать крепость Маграни, царь Давид скрыл от своих воинов о султанине, сам же отправил к Левану архиепископа и князя Амилахвари, чтобы сказали: «Сдайте крепость, иначе умрете с голода». Согласился Леван. Но архиепископ тайно сказал матери его: «Крепитесь. В эту ночь уходят, ибо османы на нас идут!» И Леван не отдал крепость, и царь Давид ушёл...»

Сколько всего, не украшающего человека, таит история!

Глава 21

Вечером, после ужина с вином, фруктами, сыром, усталые от объятий, в постели привычно перебрали все подробности дня наши гражданин и его спутница. Уже засыпая, наш гражданин вдруг предложил:

– А давай, съездим завтра в тот самый городишко Гори! – и прибавил своими же словами, которые сказал, вкушая персики на Святой Горе: – Городишко Гори, в окрестностях которого произрастают лучшие во всей Грузии яблоки, груши и персики!

Его спутница ничего не ответила. Наш гражданин подумал, что она уснула. Он представил её всю, как обычно нам что-то представляется – и не внешностью, и не одним каким-то впечатавшимся в его память её обликом, и не чем-то иным земным, а какой-то ипостасью, какой-то субстанцией из тысяч враз возникших образов, из тысяч её ликов, слов, оттенков голоса, движений рук, перемены выражения глаз, из тысяч её движений, её к нему прикасаний, тысяч её местонахождений – здесь и там в единый миг, за которым даже электричество с его скоростью в триста тысяч километров в секунду все равно не сможет угнаться, вот так она ему представилась вся, всеобъемлющая и всепроникающая, одновременно находящаяся совсем рядом, так что он слышал удары её сердца, и находящаяся далеко, на Святой горе, на проспекте Руставели, в улочке Серебряной, в их родном городе, везде, где они были и не были, куда только в этот миг успела её забросить его мысль и даже не мысль, а его что-то, которое быстрее мысли, и он, увидев все это, улыбнулся в темноту, почувствовал, как его сердце захватывается от этого представления и сказал, сказал, конечно, только мыслью и с абсолютной местной восклицательной от восхищения интонацией:

– Вин арис ес кали!

И это в переводе было:

– Кто есть эта женщина!

Спутница же его не спала. Она спросила, приподняв голову с его руки:

– Ты что-то сказал?

Он не ответил.

Она прильнула к его губам и почувствовала, что он бессовестно спит. Сказал – и уже спит. Ей опять – и уже в который раз здесь, в этом очаровательнейшем городе, стало тревожно, не совсем, конечно, тревожно, не так, что от тревоги готова была она всполошиться, но все-таки тревожно, как бывает тревожно любящему человеку в надуманном чувстве или,

вернее, впустую начувствованной мысли о том, что вдруг было бы, если бы не было его, любимого человека, или о том, что вдруг через миг случится что-то такое, что любимого человека не станет. И ясно такому человеку, что всего этого не случится – если уж встретились, то уже не могло быть такого, чтобы не встретились, и если вот он, любимый человек, находится рядышком и под крылом всесокрывающей и всеберегающей любви, такого не может случиться, чтобы его не стало. Ясно такому человеку, что все это надумано, все это начувствовано, все пусто, зряшно, глупо. Но и сладко же замирает от этого всего сердце, как бы подтверждая, вопреки надуманности и пустой начувствованности, что все неизбежно, что все навек. Хотя нет ничего навек и нет ничего неизбежного даже в пределах одной человеческой жизни, в пределах одного часа, одной минуты, в пределах одной мысли.

Но чем жил бы человек, если бы не тешил себя.

Глава 22

Из «Описания царства Грузинского» царевича Вахушти:

«В эти времена уже не было званий князей, владетелей и азнауров, а назывались пашой, бегом, алибегом, санджаком и агой, ибо в Ахалцихе и Отиси был атабаг, нареченный ахалцихским пашой. В Кола сидел паша, в Шавшети-Аджара – бег и в других местах алибег и ага, хотя и подчинялись ахалцихскому паше и участвовали в его походах...

И сел сей Юсуф-паша лета Христова 1680, и стал править, как и предшественники его. А в эти времена каждый, кто мог заполучить серебро, отправлялся в Стамбул, давал взятку и получал поместье и завладевал им, как совершил один священник. Сей священник, приняв мусульманство, накопил серебро, отправился в Стамбул, дал взятку, дали ему Джавахети и нарекли пашой. Он и сыновья его завладели Джавахети и по сей день суть паша. Этим уменьшились знатные месхи и возвышались недостойные и безродные. От этого ещё больше разорвались церкви и строились джамэ, и забывались грузинские нравы, кроме языка, и возвышался среди них Магомед, и остатки икон и крестов истреблялись и превращались в украшения их женщин, и от них совершались чудеса многие, но никто на это не обращал внимания...»

Так мало-помалу исчезала богоданная страна Грузия.

Из истории, ставшей легендой:

«Враг занял Шавшети и огнем и мечом начал чинить жестокую расправу над страной. В шавшетских храмах хранились многие сокровища, составляющие достояние страны. Их надо было спасти. Это было поручено священнику по имени Тевдорэ. Он вместе со своим сыном нашел сокровищам надежное место, но кто-то выдал священника врагу. Его вместе с сыном схватили и стали жестоко пытаться. Первым не выдержал пыток сын. Видя, что он, измученный, вот-вот выдаст место, где находятся сокровища, священник обратился к мучителям:

– Убейте этого мальчишку. При нем я не могу раскрыть тайну!

Мучители тотчас убили сына священника. Увидев сына мертвым, священник сказал:

– Он теперь ничего не скажет. А я тем более!»

Так сохранилась страна Грузия.

Еще из царевича Вахушти:

После оставления царства царем Георгием благословился Луарсаб, сын Давида, в Тбилиси царем лета Христова 1534. А был сей Луарсаб доблестным, мужественным, бесстрашным, верующим, боголюбом в богословском и воинском делах совершенным...

А после шаха Исмаила начал воевать (Грузию) шах Тамаз. И лета Христова 1536 пришёл тайком в Гянджу с сильным войском. В это время царь Луарсаб был в Тбилиси. В тот вечер умер малолетний сын царя, и отвезли его в тот вечер и проводили любимого сына царь и царица и похоронили в Мцхета. И на рассвете подкравшись, вступил шах Тамаз в Тбилиси, чтобы схватить царя. Однако избавил царя бог от пленения по причине сына. А шах Тамаз сжег Тбилиси. Тогда убоялся голова Тбилисской крепости шаха Тамаза и также царя за сожжение Тбилиси, вышел из крепости и явился к шаху Тамазу. Видевшие это стражи крепостные частью ушли, а частью явились к шаху. Он заставил их отречься от Христа и сделал мусульманами и в Тбилисской крепости поставил своих стражей кизилбашей... а Луарсаб не посмел воевать, так как шах пришёл внезапно, и жители Картли все укрылись наскоро. Но после ухода шаха царь Луарсаб начал нападать на Тбилиси и в окрестностях истреблял (кизилбашей и) татар, ибо дал бог победу ему над ними многожды, а затем взял Тбилиси.

Когда пришли на царя Имерети Баграта войной османы, попросил царь Баграт царя Луарсаба помочь против них. И хотя царю Луарсабу никто не помогал в борьбе за усиление своё, однако беспокоило Луарсаба порабощение Грузии, расчленение и раздор среди своих от врагов, чтобы страна не стала мусульманской. По этой причине выступил он к Баграту и прибыл в Басиани...»

Так жила Грузия во всякий день и во всякий год. А во времена ещё более худшие более она страдала от внутренней смуты и распри князей. И никто из них не хотел видеть, где Бог и правда, а где возсмердение измены и нажива. Впрочем, так жили и иные государства.

Глава 23

А дождался пекарь своего часа.

Поглядел пекарь на свою печь, свою кормилицу, ему подружку и соратницу, а хлебушоти мать родную. Поглядел, обвел взглядом всю пекарню, небольшое и в целом пустое помещенье, даже просто закуток с пекарской утварью, столом, парой табуреток и косяком шкафом, вделанным в стену, да с ним самим, пекарем, на порог усевшимся и ноги за порог выбросившим. Поглядел он в минутном отдохновении сердца и вдруг почувствовал странный, будто издалека, будто из глубины самого себя приплывший несильный, но все-таки удар сердца, заставивший его вздрогнуть и удивиться:

– Что это?

И он, как в прошлый раз, когда так же неровно ударило сердце, вспомнил отца, ушедшего после такого же удара, успевшего только показать:

– Сердце!..

А издалека, из глубины улицы, на какое-то время опустевшей и опустевшей, будто

только для того, чтобы ему, пекарю было лучше видеть, из-за поворота вдруг выплыли, как в знойном мареве пустыни, два человека, мужчина и женщина, заставившие сердце его несильно сбиться с ритма. Сердце сбилось и выровнялось, а глаза застыли, испугавшись, что марево исчезнет, и с маревом исчезнут они, эти двое, эти мужчина и женщина. Сердце выровнялось, глаза застыли, а уста растерялись, не зная, что делать – или улыбаться, или молча и бессильно раскрыться, а рука сама приподнялась ладонью вверх и немного выдвинулась вперёд, вперёд, поближе к ним, этим мужчине и женщине. Рука и подсказала. Согласно её подсказке, уста сказали, уста ответили удару сердца:

– Это Кока!

Пекарь взглянул на руку, вперёд выдвинувшуюся, как бы от пекаря удалившуюся, взглянул, убедился, что рука при нем, свернул ладонь в горсть, прикоснулся ею в недоумении к устам и опять развернул ладонью вверх, и опять вперёд выбросил:

– Это Кока!

И почему-то не поднялся навстречу. И почему-то остался сидеть на порожке, даже почему-то на хлеб свой шоти оглянулся, будто готовился сказать привычное, что хлеб его шоти стоит всего один лари. А на сердце у него, на душе у него стало так мягко, стало так захватывающе, будто стало там не сердце и не душа вовсе, будто у него на их месте оказался хороший пейзаж, ну, трудно сказать, какой пейзаж, не картина художника, конечно, а просто пейзаж, просто вид местности, какой-то такой пейзаж, долина, горы вдалеке, умиротворение, мягкость, что ещё?.. Пейзаж, тот самый, о котором говорил преподаватель художественной школы, пейзаж, который звучит, ибо молчащий он не нужен никому...

Пекарь стал смотреть, как они приближаются, тоже, как и он, усталые, в городе болтаться – сил никаких не хватит, и он, пекарь, ни за что бы не согласился быть туристом и весь день ходить и ходить. Он, пекарь, немного бы прошелся, а потом бы уселся где-нибудь в тень под дерево и сидел себе.

А они приближались. Они шли медленно, держались за руки, устало вертели головами туда и сюда, разглядывая улицу, и как-то мягко входили в его пейзаж, в его долину с горами вдалеке. И ему было видно, что они не на улице Серебряной, а в той долине. Он не заметил, как все-таки поднялся навстречу, как перегородил долину, то есть, конечно, улицу (между нами – какая там улица в пять шагов шириной, и что за труды её не перегордить!), не заметил, как встал посреди долины-улицы и раскинул навстречу руки:

– Кока! Что я вижу! Я вижу тебя!

И трудно сказать, почему дальше случилось так, как случилось. Может быть, правда, у пекаря в душе была цветущая долина с синими горами на окоме, и они, мужчина и женщина, то есть наш гражданин и его спутница, каким-то образом вошли в эту долину. А может быть, наш гражданин просто устал отнекиваться от своей непонятной роли, настойчиво навязываемой ему этим очаровательнейшим городом. А может быть, в нём разыгралась авантюрная жилка, и он решил сыграть эту навязываемую ему роль, как играют различные роли актеры на сцене. Он в некотором усталом лукавстве сказал пекарю:

– Да, ты видишь меня!..

И далее играл наш гражданин свою роль, то есть роль некоего Коки Сараджишвили. Он играл её так безупречно, так внимательно слушал пекаря, которого, кстати, давно пора назвать по имени (Бондо – такое вот имя), так сдержанно вел себя в необходимых случаях и так воспламенялся, вскидывался, совсем как местный человек, в других случаях, что пекарь, видя перед собой нашего гражданина, свято почитал его за своего друга Коку Сараджишвили, только немного удивлялся тому, почему Кока никак не перейдет на свой родной язык, а все время разговаривает на русском, но из деликатности, присущей местным жителям, не подавал виду.

Разумеется, все время говорил только пекарь Бондо, а наш гражданин только отвечал, причем отвечал односложно, ибо ничего другого он ответить не мог. Пекарь Бондо спрашивал:

– Да где же ты был все это время?

На это наш гражданин отвечал больше мимикой, чем словом, мол, да что тут говорить, где был, там теперь нет.

Пекарь Бондо спрашивал:

– Ну, хоть какую-то весточку мог мне подать?

Наш гражданин изображал на лице такую мину, что пекарь Бондо сам за него отвечал.

– Да, – отвечал, – понимаю, но все равно, я очень ждал тебя или хотя бы весточку о тебе!

Так ответив, пекарь Бондо говорил далее:

– Да, мой дорогой, хорошо, что все так закончилось!

Наш гражданин согласно кивал головой.

Пекарь Бондо говорил:

– Да, брат мой, я уже не верю, что все это произошло с нами!

Наш гражданин как-то так характерно поджимал губы и морщился, что пекарь Бондо читал в этом полное его, нашего гражданина, но для него друга и брата, с ним согласие.

И так было до того момента, пока первый порыв не прошел, и пекарь Бондо вдруг не вскричал, как обычно вскрикивают в таких ситуациях, да что же, де, мы, два обалдую, стоим тут, на улице.

– Едем, едем ко мне! Сейчас маме позвоним, сейчас брату Георгию позвоним! Как они обрадуются! – вскричал пекарь Бондо и прибавил с мгновенной скорбью: – А папа умер. Папа умер! Эх, Кока, как бы он тебе обрадовался! – и опять перескочил на воспоминания: – Ты помнишь, как мы на часок вырывались и приходили к нам, и вы с ним много успевали поговорить об истории? – и ответа пекарь не дождался, и говорил дальше: – Он потом мне много раз говорил о тебе, какой, говорил, Кока умный человек, как он нашу древнюю историю знает!..

И говорил пекарь Бондо, и говорил. Говорил, пока ехали к нему домой, говорил у него дома, куда наш гражданин, не слушая возражений и увещаний своей спутницы, согласился поехать, говорил, перебивая своих мать и брата, искренне и необычайно на-

шему гражданину обрадовавшихся, с восторгом говорил о нашем гражданине (для него о друге и брате) своим соседям, не преминувшим, по местному обычаю, прийти и разделить радость. И все это время наш гражданин вел себя так, как было сказано немногим ранее – сдержанно вел себя в необходимых случаях и воспламенялся, вскидывался, совсем как местный человек, в других. Пекарь Бондо говорил:

– Да, брат мой, довелось нам с тобой пережить!

Наш гражданин согласно кивал головой, а его спутница, встревоженная неожиданным решением ехать в незнакомое место к незнакомому человеку, с немой укоризной смотрела на него.

Пекарь Бондо говорил:

– Как можно вспоминать то безумие, которое случилось той осенью, а, Кока?

Наш гражданин согласно кивал

– Да, невозможно вспоминать!..

Пекарь Бондо говорил:

– Ну, зачем, зачем все это было нужно?

И наш гражданин, не сдерживаясь, вскакивал и отвечал:

– Передел мира после развала Советского Союза, сам знаешь! Это передел мира! И кому это нужно было, тоже сам знаешь!

Пекарь Бондо отвечал:

– Знаю, но смириться не могу!

А потом опять говорил и говорил. И когда они за столом остались вчетвером – пекарь Бондо, его брат Гоги и наш гражданин со своею спутницей, пекарь Бондо на какой-то момент смолк. Смолк и посмотрел на нашего гражданина, ожидая, не скажет ли он что-то. Но наш гражданин ничего не сказал.

Тогда пекарь Бондо налил вино, произнес хорошие слова в честь нашего гражданина и его спутницы. Наш гражданин и его спутница его поблагодарили. На минуту опять воцарилось молчание. А потом пекарь Бондо опять стал говорить:

– Ты, Кока, всегда умел молчать, и я тебе в этом завидовал. Но сейчас не молчи, скажи хоть что-нибудь, где ты сейчас живешь, как все у тебя обошлось? Скажи, Кока! Хотя вижу, что все у тебя обошлось хорошо и даже прекрасно, – при этом пекарь Бондо с искренним восторгом посмотрел на спутницу нашего гражданина, – однако, мы столько с тобой пережили, брат ты мне по клятве на серебре, и мне хочется узнать каждую минуту твоей жизни, порадоваться с тобой, если была у тебя радость, и погоревать с тобой, если у тебя было горе!

Так стал говорить пекарь Бондо, так стал спрашивать. Наш гражданин отвечал на это уклончиво:

– Бондо, и радость была, и горе было! Как без них прожить? Но, правда, не знаю, что тебе сказать! Жив я!

И уклончивые ответы у него в его роли получались убедительными, и пекарь Бондо соглашался с ним:

– Да, ты прав, ни без горя, ни без радости не проживешь. Рядом они идут в жизни!

Но, слава Богу, нашлись мы тогда друг для друга! Слава Богу, нашлись и теперь! Я не хочу тебя терять, Кока!

Так соглашался пекарь Бондо. А в один из моментов он обратился к спутнице нашего гражданина:

– Ты бы знала, сестра моя, что это за человек наш Кока!.. Он был у нас командиром и очень хорошим командиром. Он нас спас. Я как-нибудь расскажу вам об этом, если сам Кока не рассказал. Да, наверно, он ничего вам не рассказал. Такой он человек, наш Кока. В Советском Союзе ему бы дали Героя. А сейчас уже то хорошо, что он жив и нашелся. Он был нам отцом или, по крайней мере, старшим братом!

Он так сказал и повернулся к нашему гражданину:

Помнишь, как ты придумывал всякие истории, ну, например, про священника Доситеоса, который нас каждое утро судил... говорил: тебе, сын мой Бежо, со служанкой, прошу прощения, больше не спать. Тебе, хвост паршивой собаки и сын мой, Леван, кулаками с женой не разговаривать, а тащить её ко мне. Тебе, шелудивый Шошита, повелеваю забрать свою жену у турка! А если после турка она тебе не нужна, веди её сюда, в наш монастырь!.. Помнишь, Кока?

Наш гражданин и его спутница при этих словах пекаря Бондо переглянулись и переглянулись не просто так, а, прямо сказать, переглянулись в ошарашеньи, вспомнив, что все это наш гражданин увидел недавно во сне.

– Да, было такое! – вдруг сказал наш гражданин (он, конечно, имел в виду свой недавний странный сон, рассказанный спутнице).

Пекарь Бондо снова обратился к спутнице нашего гражданина:

– Да было такое, сестра! Кока столько нам рассказал про нашу историю, про то, как пришлось жить нашим предкам, про всяких там Злых Георгиев, про царей Свимонов, про то, что ни одного дня не было мирного, что каждый день были то нашествие, то смута, то на нас, на нашу несчастную страну нападали персы, то нападали турки, то лезли лезгины, а то все враз. Мы просто гордиться стали своими предками, выжившими в таких условиях и не потерявшими веру! Мы стали говорить: и нам надо взять с них пример, и мы переживем нашу смуту!..

Спутнице нашего гражданина ничего не оставалось, как только смиренно слушать такие новости про своего спутника, то есть нашего гражданина и (нельзя забывать) любимого человека.

А пекарь Бондо вспоминал дальше и вдруг вспомнил о тех самых каких-то бумагах, которые якобы Кока Сараджишвили когда-то написал, а пекарь Бондо сохранил. Он взглянул на брата своего Гоги:

– Гоги, а ну принеси бумаги!

И брат его Гоги, как мы помним, служащий таможни, с готовностью сбегал в соседнюю комнату и подал нашему гражданину довольно старую и помятую папку из-под чертёжной бумаги:

– Вот они, бумаги! Мы их сохранили!

Ничего не оставалось нашему гражданину, как только выразить радость от появления якобы написанных им каких-то бумаг и благодарность за их сохранение. Он так и сделал. И взял эти бумаги, открыл, взглянул, увидел листы, исписанные местной вязью, очень похожей на ранневесенние, ещё безлистые ряды виноградников. Разумеется, ничего прочесть он не смог, мельком взглянул на свою спутницу и вспомнил, что вчера перед сном сказал ей с совершенно местной интонацией, будто испокон жил в этом городе, свою восторженную фразу: «Вин арис ес кали! (Кто эта женщина!)»

Пекарь Бондо спросил:

– Что там у тебя, в этих бумагах?

Наш гражданин ответил:

– Да, так. Всякая ерунда!

Пекарь Бондо сказал:

– Интересно посмотреть. Теперь уже, наверно, можно!

Наш гражданин протянул ему бумаги:

– Посмотри, я без очков ничего не разберу! – (надо ли говорить, что он слукавил?).

Пекарь Бондо взял бумаги, полистал их и вдруг взглянул с вопросом и некоторой тревогой на нашего гражданина:

– Кока, тут же написано про нас?

И не стал он ждать ответа, впился глазами в написанное и стал читать, потом спохватился, что среди них находится прекрасная женщина, которая не понимает местного языка и стал переводить.

– ...В то время прошел ещё один раскол, – стал он переводить написанное. – Тенгиз Китовани по тревоге поднял свои воинские формирования примерно в 5 тысяч человек, в том числе и «Белый орел», и перебрался в дом отдыха «Шавнабада» примерно в 30 км от города. У него были 2 бронемашины и боевой вертолёт Ми-24. Оставшихся и не подчинившихся в количестве примерно 3 тысяч приказом президента передали Вахтангу Кобаля. Этот Кобаля работал в Зугдиди водителем хлебовозки и был членом партии «Круглый стол “Независимая Грузия”» и имел кличку «Лоти». Президент назначил его вместо Китовани командиром всей гвардии... Лоти – это по-нашему пьяница, – пояснил он кличку спутнице нашего гражданина, а у нашего гражданина спросил: – Это ты написал о тех событиях для истории? – опять не стал ждать ответа, едва не в крайней степени интереса поворошил листы и снова прочел, и снова перевёл: – Хотя я не имел права покидать здание дворца, я и мой друг и соратник, которого я назову не настоящим именем, а именем Бондо, как называли его мы, вышли и кое-как прорвались сквозь фанатов президента, этих раздолбаев, которые ничего не хотели понимать и только сутками напролет кричали: «Звиад! Звиад! Звиад! Гамсахурдияс гаумарджос!» Мой друг Бондо, оглядываясь на них, сказал: «И этих раздолбаев мы должны защищать!..» Я промолчал. Мы прошли через милицейский кордон, прошли по всему проспекту, перегороженному автобусами и заполненному народом. И я ещё раз убедился, что народ требовал справедливости. А против него стояли те, кто ничего не хотел понимать. Их единственным желанием было как

можно громче кричать: «Звиадас гаумарджос!» Среди тех, кто был на кордоне, я встретил знакомых, с которыми мне приходилось общаться ранее. Потом мы прошли курсантский кордон и зашли в школьный двор, где можно было поговорить сравнительно спокойно кое с кем из оппозиции, которых я знал. От них я узнал, что «Белый орел» во главе с Георгием Каркарашвили отправился в Самачабло, в район боевых действий вокруг Цхинвали. Там с каждым днём было все жарче и жарче...

Потом мы примерно в 19.30 вернулись к себе. И в течение следующего часа обстановка накалилась. Фанаты пустили вход дубинки, булыжник. Курсантам из оцепления досталось, и они отошли за автобусы. У кого-то была окровавлена голова, кто-то был избит. Но фанаты стали кидать булыжник и бутылки через автобусы. После полуночи мне позвонил приятель, живший на проспекте, и спросил, что происходит, ему видно, как многих оппозиционеров увозят на скорой помощи, и ещё сказал, что у них пикет около главпочтамта, что перекрыты все ближайшие переулки. Мы попрощались. Я отключил телефон.

Около половины 3-го подъехали на машинах какие-то люди и убрали автобусы, объяснив, чтобы не мешали привести людей утром на митинг около дворца. ОМОН и курсанты не вмешивались, потому что оппозиция вела себя вполне мирно и организованно. А что автобусы убрали, так это к лучшему. Проспект не чистился несколько дней, и можно представить, сколько скопилось мусора. Фанатам же было до фени. Им только бы орать «Звиад!». А то, что они стоят в грязи и мусоре – вполне их устраивало.

Я чуть не забыл – фанатам и ополченцам выдавались талоны на питание, и они могли свободно проходить сквозь охрану дворца в арку и в столовую на нижнем этаже дворца. Мы этих фанатов называли ударделеби (беззаботниками, а если более по-русски, то, например, замороженными или больными на голову). Им ни о чём не приходилось заботиться. Жили месяцами в палатках, жрали в президентской столовой и орали своё «Звиад».

Когда автобусы были убраны, эти беззаботники затеяли драку. В ход пошло снова все, что только подворачивалось под руку, даже бутылки с зажигательной смесью. На шум мы подошли у себя на 4-м этаже к окнам. Между палаток вдруг раздался взрыв, вспыхнул бензин. Оппозиционеры не ожидали такого и спешно стали убегать к гостинице «Грузия». Я уже упоминал, что дворец охранялся 200-ми хорошо вооруженными гвардейцами, занимавшими позиции во дворе и на 1-3 этажах. 4-5 этажи занимали мы, 25 человек. После взрывов кто-то отдал приказ открыть огонь. Нам сверху хорошо было видно, что у оппозиции никаких бутылок с зажигательной смесью и вообще никакого оружия не было.

Все произошло мгновенно. Несколько десятков автоматов откуда-то с нижних этажей стали стрелять очередями...»

Пекарь Бондо поднял глаза на нашего гражданина:

– А все-таки, кто отдал приказ на открытие огня?

Наш гражданин в ответ тоже спросил – совершенно невольно и растерянно:

– Какой приказ, какого огня?

Пекарь Бондо растерянности его не заметил:

– Ну, вот давай вспомним. Мы занимали четвёртый этаж. Эти, – пекарь Бондо пре-

зрительно показал куда-то вниз и в сторону, – эти, ну, гвардейцы, были внизу. Помнишь, мы с тобой подошли к окну, потому что на площади среди этих бездельников-раздолбавев, которые только и знали орать: «Звиад! Звиад!», началась какая-то драка. То все время орали нашему президенту «Да здравствует!», а то вдруг началась драка. Мы подошли – и там грохнул взрыв и загорелись палатки. И с этажей под нами вдруг открыли огонь из автоматов. Мы кинулись с тобой туда. Ты закричал: «Отставить, сволочи! Кто приказал? Всех перестреляю!» ... Помнишь?

Наш гражданин растерянно промямлил:

– Нет. Я что-то ничего такого не могу вспомнить...

Пекарь Бондо посмотрел на нашего гражданина с недоверием:

– Как, Кока, ты ничего не можешь вспомнить?

Наш гражданин глубоко вздохнул и выдохнул:

– Бондо, прости! Не был я там!..

И далее хотел признаться, что никакой он не Кока, что...

Но пекарь Бондо не дал ему этого сделать. Он обнял нашего гражданина и зашептал:

– Не бойся, Кока! Слава Богу, нас уже не преследуют! И ты смело можешь об этом говорить! Не бойся, брат мой, не бойся и возвращайся! А то мне братишка Гоги кричит: Я Коку увидел, а он не признается, что он Кока!.. Не бойся! Героями нас не объявили. Но, слава Богу, все обвинения сняли! Ты же помнишь, что на нас свалили эту стрельбу!

Он сказал это так проникновенно, что у нашего гражданина на признание не хватило духу – не хватило духу разочаровать добрых людей. И он сказал:

– Да кто угодно мог отдать приказ. Или получилось само собой. Раздался взрыв – и у них сработало!

Пекарь Бондо сказал:

– Да, Кока! Мы с тобой тогда тоже так подумали: взрыв – и у них сработало. Но кто взорвал? И для чего взорвал? Может, для того, чтобы спровоцировать стрельбу? Но кто-то и на самом деле мог отдать приказ на эту провокацию. Помнишь, ведь этим бездельникам-фанатам и ополченцам выдавали талоны на питание в дворцовскую столовую! Вот под видом их кто-то мог зайти во дворец!..

И тут наш гражданин отметил что-то себе в уме и спросил пекаря:

– Бондо, а когда я ездил под Цхинвали, где, «становилось все жарче и жарче»?

Пекарь Бондо с укоризной взглянул на нашего гражданина:

– Э, Кока! Что ты такое говоришь?.. Ты пошёл после того к президенту Гамсахурдиа и сказал, что более не можешь ему служить и оставаться во дворце. Но он уговорил тебя и перевёл нас вместе с тобой в дом художника, чтобы ты сформировал свой батальон. А ты его сформировал из беженцев и назвал «Самачабло», как сам понимаешь, назвал именем их родного места. Как ты мог такое забыть! У тебя же в это время погибла мать там, под Цхинвали!..

Наш гражданин на этот упрёк только и сказал:

– Эх, Бондо!

Пекарь Бондо снова обнял нашего гражданина:

– Прости, брат мой! Конечно, тебе, нашему командиру, досталось больше, чем всем нам, вместе взятым, твоим соратникам!

Наш гражданин попросил:

– Расскажи ещё что-нибудь, Бондо!

Пекарь Бондо сказал:

– А что рассказывать! Ты сам все написал!.. Вот: «В конце декабря я на неделю уехал домой, в Гори, на похороны погибшей матери, поехавшей к нашим родственникам в Цхинвали. А когда вернулся, уже начиналась гражданская война».

Пекарь Бондо прочитал это и с вопросом поглядел на нашего гражданина:

– Кока, как можно все это забыть?

Трудно сказать, что было бы, если бы этот странный разговор не прервала спутница нашего гражданина. Она решительно, хотя и со всей вежливостью встала из-за стола.

– Извините нас, но нам пора! Слава, нам пора! – сказала она.

Вслед за нею послушно, будто только того и ждали, поднялись пекарь Бондо и брат его Гоги. Последним поднялся наш гражданин. Он, уткнув глаза в стол, сказал:

– Бондо, прости. Я, наверно, и вправду похож на вашего Коку Сараджишвили. Но я не Кока. И я никогда его не видел и не знал. Я никогда не был в этом городе. И, значит, то, о чём ты говоришь, я не делал... Но в этом городе со мной творится одна странность за другой, и я уже иной раз не знаю, где я, кто я. Поверь мне и прости!

Пекарь Бондо долго молчал. Потом протянул папку с записями нашему гражданину:

– Как хочешь, Кока. Я тебе не судья. Не Кока ты, ну и – не Кока! А только мы с тобой поклялись на серебре, и ты об этом здесь написал!.. Я понимаю. Тебя заочно обвинили в стрельбе по безоружной оппозиции и формировании этого батальона. Тебе заочно дали большой срок. Нам удалось скрыться. Но теперь обвинения сняты... Но если ты не хочешь... У тебя теперь другая жизнь... – он посмотрел на спутницу нашего гражданина, – и ты пытаешься все это забыть... Как хочешь, Кока...

Глава 25

Следующие два дня нашего гражданина и его спутницы оказались сокрытыми для нас. Но по их отношению друг к другу, по-прежнему представляющему собой образец отношений между любящими и даже вызывающему нечто вроде белой зависти, можно судить, что сокрытые от нас два дня не были временем размолвок и выяснений отношений по поводу всего случившегося. Можно предположить, что спутница нашего гражданина попросила объяснить, что все это значило – утверждение пекаря Бондо о том, что наш гражданин не наш гражданин, а участник трагических событий Кока Сараджишвили и даже, сколько можно судить по его запискам, приближенное лицо к президенту, как известно, свергнутому президенту Гамсахурдиа. И можно предположить, что наш гражданин со всею убедительностью ответил, что он не может объяснить ни всего с ним творящегося в этом очаровательном городе в целом, ни утверждения пекаря Бондо в частности.

Можно предположить, что спутница нашего гражданина ответом удовлетворилась, ведь во всех странностях, творящихся с её любимым человеком, ни разу не было даже тени, даже намек на женщину. И можно предположить, что она его спросила, любит ли он её. И если она так спросила, то можно утверждать, что ответ был вполне её удовлетворивший. У женщин же так – что бы ни сотворили их любимые предосудительного, они все прощают, кроме одного, кроме тени другой женщины, кроме намека на другую женщину.

Утром третьего дня спутница нашего гражданина сказала:

– Слава, ты хотел поехать в Гори. Давай, поедем!

Наш гражданин ответил:

– Давай, поедем!

Спутница нашего гражданина спросила?

– А как мы туда поедем?

Наш гражданин ответил:

– С вокзала, на электричке!

Спутница спросила:

– И ты знаешь, где вокзал?

Наш гражданин ответил:

– Где-то здесь, рядом. У прохожих спросим!

И спросили. И оказалось, что наш гражданин был прав. Вокзал находился почти рядом.

И был вокзал, как и все сооружения культурно-бытового характера в так называемом постсоветском пространстве, не вокзалом, а обыкновенным торговым центром, а проще говоря, был чем-то вроде муравейника. Да и что можно было ожидать от вокзала, если у страны все железнодорожные пути были обрезаны.

Расписание поездов при этом присутствовало, и были кассы по продаже билетов, и даже промелькнул в людской толчее некто в форменной фуражке. Наш гражданин толкнулся к расписанию и обнаружил, что, в Гори можно было проехать только батумским поездом, который отправлялся в семнадцать часов.

Удрученный новостью, наш гражданин пошёл к своей спутнице, а его перехватил энергичный молодой человек, как всегда в таких ситуациях, обретающийся на вокзале. Он предложил ехать в Гори на авто, шикарном авто, какими были переполнены все улицы города, и, кажется, об этом было уже сказано – каким образом они умудрялись в своём постоянном движении не давить прохожих и не бить друг друга. (Много удивительного можно найти пытливому и доброжелательному уму в этом очаровательнейшем городе). Наш гражданин авто не отверг, а цену, показавшуюся ему заоблачной отверг. Он сказал:

– Ара, кацо! – и это, кроме несогласия с заоблачностью цены, ещё означало и то, что наш гражданин довольно спешно осваивал местный язык.

Энергичный молодой человек спросил:

– А сколько?

Наш гражданин сказал:

– Половина тобой сказанного!

Энергичный человек сказал:

– Ну, хорошо, восемьдесят, и это будет ни твоя, ни моя! И через час вы будете в Гори пить вино и кушать груши!

Наш гражданин сказал:

– Хорошо, восемьдесят! Я согласен. Но теперь скажи, сколько стоит на самом деле!

Энергичный человек убавил в энергии и признался:

– С двоих это будет десять! Но сам понимаешь, семья-мемья, ребятишки-мребятишки!

Наш гражданин спросил:

– Ты повезешь?

Энергичный человек прибавил в энергии и сказал:

– Повезет очень хороший человек на очень шикарном авто! Через час будете в Гори пить вино и кушать груши! – потом снова убавил в энергии и сказал: – Как я заработаю даже на старый «жигуль», если мне не дают моей цены! – потом снова прибавил в энергии и быстро-быстро, едва не бегом потащил нашего гражданина и его спутницу с людской толчеи в толчею автомобильную, заполонившую всю привокзальную площадь и притащил действительно к шикарному автомобилю.

– Ваню! – сказал он водителю. – Вот отвези их в Гори, так чтобы через час они уже пили вино и кушали груши!

Водитель Ваню молча кивнул и потом полдороги молчал, а с полдороги разговорился. Он посмотрел на нашего гражданина в зеркало заднего вида и спросил:

– Я вижу, ты местный?

Наш гражданин сказал:

– Нет!

Водитель посмотрел на спутницу нашего гражданина и сказал:

– Вижу, счастливые вы люди! А мне счастья не вышло. Я беженец из Абхазии. Когда началась война, я дома не был. Всех грузин стали выгонять. И соседи всю мою семью – мать, жену и четверых детей – зарезали, а квартиру забрали себе. И теперь всего мне счастья – найти возможность отомстить. И я ищю эту возможность. Всех до последнего зарежу, никого не пощажу, как они не пощадил.

Наш гражданин промолчал, а его спутница сказала:

– Не надо, Ваню! Их Бог накажет, если уже не наказал!

Водитель сказал:

– Я думал, не смогу во второй раз жениться. Родственники заставили. Так же, как вы, сказали: «Не надо, Ваню, лучше женись ещё раз и сделай детей. Сердце отпустит». Я долго не слушал. Потом послушал. Сейчас у меня трое детей. Но сердце не отпустило. ещё хуже стало. Не умру, пока не вырежу весь их поганый род! У них там маленький родился. Подожду, пусть подрастет!

Спутница нашего гражданина промолчала, а наш гражданин только протяжно выдохнул:

– Да-а-а... – а потом прибавил, глядя за окно: – А тот, кто все это затевает, всегда остается безнаказанным!

Вечером, по возвращении домой, спутница нашего гражданина спросила:

– Ты все там, в Гори, смотрел, смотрел. Так странно было наблюдать за тобой, будто ты искал чего-то. С тобой, правда, ничего не случилось?

Наш гражданин ответил:

– Не по себе что-то. Наверно, устал!

Глава 26

Ну и все-таки следует объяснить события, о которых вел речь пекарь Бондо и о которых повествовали записки Коки Сараджишвили, то есть события осени и начала зимы тысяча девятьсот девяносто первого года. О них, кстати, здесь уже упоминалось хотя бы в связи с пожилым человеком, встретившимся нашему гражданину и его спутнице на проспекте Руставели. И они, события, примерно, были следующими – и оговорку «примерно» приходится употребить только лишь потому, что об этих событиях нам известно не из какого-то фундаментального исследования, которого явно ещё нет и появление которого пока вряд ли приходится ожидать, а из прессы и многочисленных быстро родившихся различного рода книг, книжек и книжиц быстрых на руку многочисленных журналистов. При этом мы оговоримся ещё и по тому поводу, что ни в коем случае не вторгаемся в дела суверенного государства и, как и прежде, повествуем о событиях, опираясь только на опубликованные материалы.

Как известно, в 1991 году распался Советский Союз. Грузия в ряду других бывших союзных республик воспользовалась правом на самоопределение и стала самостоятельным государством. Чуть ранее того, 26 мая на всеобщих президентских выборах победил сын народного писателя Грузии Константина Гамсахурдиа, известный диссидент советских времен Звиад Гамсахурдиа, который во главе страны оставался всего не полных 8 месяцев, но сумевший за это время расколоть страну на 2 непримиримых лагеря – сторонников и противников. И если мы без каких-либо комментариев оставляли известия из труда царевича Вахушти, полагая, что всякий сам может по прочитанному представить себе картину той жизни, так же без комментариев оставим мы и различные взгляды на события начала 90-х.

А скажем только словами статьи «Путч в Грузии» Гиви Горгиладзе, сторонника Гамсахурдиа, которую в виду её большого объема мы частью дадим в пересказе:

«...Звиад Гамсахурдиа, пришедший к власти на волне национальной идеи независимости, представлял для определенных военно-политических сил России наибольшую опасность из-за своей непримиримости и харизмы, сделавшей его общепризнанным лидером Грузии и главным идеологом Общекавказского Дома. Поэтому ему в оппозиционной республиканской прессе и в российских СМИ была объявлена яростная информационная война. Обвинения в его адрес были порой совершенно невероятными и несуразными: «Гамсахурдиа в альянсе с Шеварднадзе», «Гамсахурдиа – агент КГБ», «Выразитель интересов Кремля». Настоячиво старались создать облик человека психически больного, тирана и угнетателя. Его дискредитация одновременно означала и дискредитацию национально-освободительного движения Грузии...»

Далее автор говорит о том, что за 8 месяцев Звиадом Гамсахурдиа было сделано очень много для международного признания Грузии как суверенного государства. Но, по его словам, Москвой и внутренними дестабилизирующими силами в лице огромной массы коммунистов и их сторонников в сентябре 1991 года была предпринята первая и неудавшаяся попытка государственного переворота. «В защиту Гамсахурдиа выступили народные массы, бесценно находящиеся около Дворца правительства – пишет автор. – Им противостояла оппозиция, которая 22 декабря в 8 ч утра начался штурм Дворца и впоследствии, чтобы хоть как-то уйти от ответственности, обвинившая Звиада Гамсахурдиа в том, что это его сторонники спроводировали боевые действия, первыми начав стрелять в собравшихся перед Домом правительства людей. На самом деле время начала путча было тщательно спланировано...» В результате боевых действий была разрушена значительная часть исторического центра столицы Грузии. В первый день военных действий были убиты 17, ранены 130 человек.

«К 24-му декабря правительственные силы (то есть сторонники Гамсахурдиа, – пишет автор, – взяли верх и практически уничтожили всю тяжёлую технику мятежников. Руководители путча готовились к бегству. Помощь подоспела вовремя. Рука Москвы широко распахнула двери арсеналов ЗакВО. На следующий день у мятежников появились танки, ракетные установки, орудия. В неограниченных количествах им доставлялись боеприпасы... В конфликте на стороне оппозиции принимал участие и спецназ ЗакВО. Российские военнослужащие «работали» в качестве снайперов, разведчиков, инструкторов, наводчиков гаубиц и ракетных установок, экипажей танков и другой бронетехники...» Автор утверждает, что готовы были на стороне оппозиции выступить две российские воздушно-десантные дивизии и авиация. «Убедившись в бессмысленности противоборства с оппозицией, имевшей своим союзником огромную и безжалостную военную машину бывшего СССР, а теперь уже его правопреемницы – России, столкнувшись с предательством в своём окружении, на рассвете 6 января 1992 г. Звиад Гамсахурдиа с семьей в сопровождении ближайших соратников покидает полуразрушенный Дом правительства. Пробыв несколько дней в Армении, они получили политическое убежище в Чечне у президента Джохара Дудаева». Но «полное неподчинение хунта встретила в западных районах Грузии...»

Вот примерно так события, которые описал в своих бумагах Кока Сараджишвили, описывает Гиви Горгиладзе.

Есть и иная точка зрения на эти события, с которой президент Звиад Гамсахурдиа видится далеко не миротворцем.

Откровенно не принял президента Гамсахурдиа философ и общественный деятель Мераб Мамардашвили. Известны его слова: «Если мой народ пойдёт за Гамсахурдиа, то я пойду против своего народа».

Википедия приводит много фактов и высказываний Гамсахурдиа, послуживших разжиганию национализма в стране и выселению некоторых аварских и азербайджанских сел за пределы страны, как и развязыванию конфликта в Южной Осетии, переросшего через 16 лет в настоящую войну между Грузией и Россией. Википедия говорит следующее: «20 декабря 1991 года Гамсахурдиа потребовал немедленного разоружения и роспуска На-

циональной гвардии, угрожая атаковать её базу четырьмя ракетами «Земля – земля», после чего Национальная гвардия, возглавляемая Тенгизом Китовани, подняла мятеж, приведший к свержению Гамсахурдиа».

А до этого 2-го и в ночь с 4-го на 5-е сентября 1991 года по приказу Гамсахурдиа Национальная гвардия стреляла в протестные митинги.

Приведем ещё одно мнение о событиях тех лет – отрывки из монографического труда «Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет» английского исследователя Дональда Рейффилда:

«В Грузии настал беспредел. Гамсахурдиа, обращавшийся с министрами как с прислугой, не признававший своего невежества в экономических, дипломатических и военных делах, не умел управлять. Вооруженные шайки, не только Мхедриони, грабили дома и пешеходов, угоняли машины, похищали людей. Коммунальные службы перестали функционировать по мере того, как инженеры перестали работать на электро- и компрессорных станциях; инфляция обесценила рубль, и к оплате принимались только доллары. Больницы, школы, магазины, сельское хозяйство пребывали в бездействии. Правительство Гамсахурдиа получало международную помощь товарами или деньгами, но большая часть шла в карманы чиновников и министров. Гамсахурдиа временно примирился с дружинниками Джабы Иоселиани (Мхедриони – А.Т.) и Тенгиза Китовани, бывшего преподавателя рисования, а теперь вождя Национальной гвардии, и с самым влиятельным из молодых националистов Гия Чантурия. Гамсахурдиа даже угодил публике, предоставив (главе церкви – А.Т.) Илье II права автокефального патриарха.

Все были озабочены этническими вопросами. Абхазы избрали президентом Владислава Ардзинбу, неожиданно искусного и упрямого политика, который добился для абхазов, пятой части населения Абхазии, ведущей роли в местном парламенте. Абхазией управляли три интеллигента: Ардзинба, специалист по древним языкам Анатолии, археолог Юрий Воронов и историк Станислав Лакоба. В Цхинвали осетины избрали председателем Верховного Совета РЮО (Республика Южная Осетия – в период Советского Союза она имела статус Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской ССР – А.Т.) учителя-коммуниста Тореза Кулумбегова, с которым грузины расправились немилосердно. В декабре 1990 года, особенно лютой зимой, в Южной Осетии вырубали газ и электричество, а мхедриони угнали грузовики с продуктами, шедшие из Северной Осетии через Рокский туннель. В январе Кулумбегова пригласили в Тбилиси и посадили; грузинские дружины подожгли 117 осетинских деревень, осетины в отместку подожгли грузинские. Этническая чистка была доведена до кровавого завершения: выселение одного семейства кончилось опустошением целого края. Толпы беженцев шли кто во Владикавказ, кто в Гори. Население Южной Осетии сократилось почти в половину. Кулумбегов сидел до декабря 1991 года, когда Международная амнистия добилась его освобождения; вернувшись на родину, он провёл референдум и стал президентом никем не признанной республики. Такова была родильная горячка современной независимой Грузии».

Как видим, даётся совсем иная характеристика и президенту Гамсахурдиа, и другому освещаются события. И сколько можно понять из всего этого, Кока Сараджи-

швили верой и правдой служил Гамсахурдиа, но пытался во всем разобраться, что видно из его записок. Но ещё раз говорим – мы пересказываем материалы прессы. Нам бы разобраться с нашим гражданином.

А ситуация с нашим гражданином, жителем совершенно далёкого города совершенно иной страны, остается необъяснимой. И не отнести ли эту ситуацию к специфическому отношению города к некоторым своим гостям, о котором упоминалось в первых главах повествования. К месту будет и замечание о необходимости тонкой, мы бы сказали, не просто тонкой, а особенного свойства интуиции в оценке города, подсказанной нам уважаемым Иосебом Гришашвили. Проявилась она у нашего гражданина или не проявилась, проявилась она у нас, повествующих эти строки, или не проявилась, сказать нет возможности. Но фактом остается некоторое странное поведение самого нашего гражданина, которого иной порой вполне можно было заподозрить в той неправде, посредством которой он утверждал, что никогда в этом городе не был.

Глава 27

Как ни то, а время пребывания наших граждан в сем очаровательнейшем городе подошло к концу. Хозяин квартиры отвез их в аэропорт, пожелал доброго пути, счастливого возвращения домой и попросил в следующий приезд остановиться только у него. Кажется, он даже взял с них меньше оговоренной суммы.

Все шло хорошо до того момента, когда в аэропорту пришла очередь нашему гражданину и его спутнице поставить на весы регистрационной стойки свой багаж, который на килограмм превысил допустимую норму. Наш гражданин этому искренне удивился, так как багаж их – небольшой чемоданчик с дамской сумочкой спутницы и вполне скромная сумка его самого – никак не походили на нарушителей допустимых норм. Сотрудник аэропорта на его удивление не обратил никакого внимания. Он велел не задерживать очередь, убрать с весов багаж и идти в кассу для оплаты лишнего веса. Тон его показался нашему гражданину не совсем соответствующим нормам обращения с пассажирами, тем более гражданами иного суверенного государства. Он, однако, вежливо спросил:

– Простите, а какой вес должен быть по норме?

Служащий аэропорта не счел нужным отвечать на вопрос, вероятно, полагая его неуместным. Он со всею настоятельностью в голосе сказал:

– Я прошу вас убрать багаж с весов и оплатить лишний вес!

Наш гражданин спросил:

– А сколько нужно заплатить?

Служащий аэропорта – возможно, был сегодня не его день, или у него дома случилось несчастье – посмотрел мимо нашего гражданина и, сдерживаясь, сказал:

– Вам скажут в кассе!

В кассе назвали сумму едва не в три тысячи рублей – естественно, в местной валюте.

Наш гражданин сказал:

– Но ведь у нас лишних всего один килограмм!

В кассе сказали:

– Не имеет значения. Хоть килограмм, хоть пять! Вы превысили вес багажа!

Наш гражданин сказал:

– Нет, спасибо! Я платить не буду!

И в самом деле, в советские времена на этот килограмм махнули бы рукой.

Наш гражданин вернулся к стойке регистрации. Под суровым взглядом служащего аэропорта и любопытные взгляды пассажиров он вынул из своей сумки бутылку вина «Пиросмани», как помним, подаренную ему несколько дней назад местными таможенниками в качестве своего рода компенсации за предоставленные некоторые неудобства в виде дополнительной проверки его документов. Наш гражданин вынул из сумки эту бутылку, а сумку снова поставил на весы. Они показали вес меньший предельно допустимого. Наш гражданин в удовлетворении протянул бутылку служащему аэропорта:

– Передайте, пожалуйста, это гостеприимным служащим таможни, которые мне её презентовали в день моего прилёта!

Вообще-то служащие таможни ничуть не были виноваты, чтобы возвращать им их презенты. Они исполняли свой долг. И заметим, в отличие от московских таможенных служащих они исполняли его едва ли не по-рыцарски. Но что было делать нашему гражданину при многих случившихся с ним в этом очаровательном городе странностях. Ему даже и эта рыцарственность показалась странной.

Не переменявшийся ни в лице, ни в голосе, служащий аэропорта на это сказал:

– Я вам по-русски говорю: не задерживайте очередь!

Наш гражданин молча отошел от стойки. Служащий аэропорта посмотрел им вслед и опустил бутылку под стол. А спутница нашего гражданина, держа его за руку, сказала:

– Жаль, что мы её не выпили сразу же. Может быть, ничего из того, что с нами произошло, не произошло бы!

Наш гражданин молча сжал её руку.

Глава 28

Да, наверно, жаль, что они не выпили подаренную им бутылку вина «Пиросмани». Может быть, действительно ничего с ними не произошло бы из того, что с ними произошло. Так ведь более того – с ними произошло ещё нечто не совсем объяснимое. С ними по их возвращении домой произошло следующее. Через некоторое время наш гражданин, не сказавшись, только оставив своей спутнице записку, что он уезжает, вдруг куда-то уехал.

И, согласно мудрому Иосебу Гришашвили, сказавшему, что для познания того очаровательного города нужна тонкая интуиция, спутница нашего гражданина тотчас эту интуицию явила, тотчас догадалась, что он улетел именно в тот город. Да и как же ей было не явить интуицию, как же ей было не догадаться, куда направит свои стопы её любимый, особенно после случившихся с ним некоторых странностях. Правда, странности были подлинно странного свойства, о которых любой бы призадумался. Разве не странность,

например, то, что её любимый человек увидел во сне некоего священника из какого-то далёкого века, а на следующий день увидел его и разговаривал с ним на Святой горе. И разве не странно, что его, никогда в этом городе не бывавшего, радостно окликнула пусть не такая уж молодая, но красивая женщина в «Водах Лагидзе». И чем иным, а не странно-стью можно было бы объяснить абсолютную ориентацию её любимого человека в городе, где он никогда не бывал. А это узнавание в её любимом человеке, которого она, кажется, знала, простите, как облупленного, какого-то Коку Сараджишвили!

Да что там говорить, она тотчас, как только успокоилась после прочтения его записки, позвонила ему:

– Слава, ты вернулся в тот город?

Он ей ответил:

– Да!

Она сказала:

– Но ведь ты не Кока!

Он помолчал и ответил:

– Это ничего не значит! Для них я – Кока! И что они думают теперь о нём! Они думают, что он плохой человек! А он, я думаю, ни в чем не виноват!

Она спросила:

– Но как же ты будешь этим Кокой?

Он ответил:

– Как-нибудь буду!

Она спросила:

– А самим собой не будешь?

Он сказал:

– И самим собой буду!

Она спросила:

– А если появится тот Кока, настоящий Кока?

Он ответил:

– Ну, будут нас два Коки!.. Пойми, Маша, я не могу их оставить! Ведь они, Бондо и Кока, дали клятву на серебре!

Она его спросила:

– Слава, ты любишь меня?

Он ответил:

– Да!

Она спросила ещё:

– Ты поехал не к другой женщине?

Он ответил:

– Нет!

Она в сей же миг сказала:

– Я еду к тебе! Можно?

Он ответил:

– Нет! Немного подожди!

Она в сей же миг спросила:

– Значит, у тебя там есть женщина?

Он ответил:

– Нет!

Она в сей же миг себе сказала:

– Значит, есть!

Она себе нарисовала молодую грациозную грузиночку и сказала:

– Я люблю тебя, Слава! И потому я тебя отпускаю! Будь счастлив с той женщиной!

Как бы он смог познакомиться с молодой и грациозной грузиночкой, она рисовать себе не стала. Это было выше её достоинства. Но она именно так и сказала: «Я тебя люблю, и потому я тебя отпускаю! Будь счастлив с той женщиной!» – и легла умирать. Она не знала себе жизни без любви любимого человека. По счастью, никто в таких случаях не умирает, а если умирает, то только в воображении людском. Не умерла и очаровательная и верная спутница нашего гражданина. Поумирав день или два, она сказала:

– Нет, Кокочка! Я еду к тебе!..

А в это время её любимый человек, то есть наш гражданин, то есть как бы Кока Сараджишвили, сидел на порожке пекарни в закутке улицы Серебряной вместе с пекарем Бондо. Горячие хлебы-шоти вплавляли свой аромат тихими и торжественными аккордами в предвечерний зной города. Мимо шли люди, спрашивая, почём хлеб. Пекарь Бондо отвечал:

– Один лари!

Люди клали монету в тарелку подле ног пекаря, брали хлеб и упоенно прикладывали его к лицу. И, кажется, у того, кто так делал, на лицо ложился тихий и торжественный отсвет.

А таможенный служащий Гоги, младший брат пекаря Бондо, смотрел на бутылку вина «Пиросмани», только что вручённую ему со словами «Твой Кока Сараджишвили забыл взять!» И он, зная, что Кока Сараджишвили вернулся, уже видел, как с этой бутылкой влетит в улицу Серебряную, однажды случайно названную улицей Клятвы-на-серебре.